

Долгожданное продолжение цикла «Воронята»

МЭГГИ
СТИВОТЕР

ПРИЗОВИ
СОКОЛА

18+

Мэгги Стивотер
Сновидец. Призови сокола
Серия «Круг воронов»
Серия «Сновидец», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49395436
Сновидец. Призови сокола: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-105415-1

Аннотация

Долгожданное продолжение культового цикла «Воронята»! Завораживающая, гипнотизирующая история о снах и желаниях, смерти и неумолимой судьбе.

«Сновидцы расхаживают среди нас – и их сны тоже. Те, кто грезит, не могут перестать – они могут лишь по мере сил управлять своими грезами. Те, кого приснили, не в состоянии жить собственной жизнью – они заснут навеки, если сновидец умрет.

А еще есть те, кого влечет к сновидцам. Те, кто хочет их использовать. Поймать. Убить, пока их сны не погубили всех нас».

Ронан Линч – сновидец. Безделушки и катастрофы – вот то, что он выносит из снов.

Джордан Хеннесси – воровка и талантливая художница. Чем ближе она оказывается к таинственной картине, на поиски

которой отправилась, тем теснее оказывается с ней связана. Пугающая, необъяснимая связь, и девушка не в состоянии ее разорвать.

Кармен Фарух-Лейн – охотница и... убийца. Она знает, что сны могут сделать с человеком. И знает, на что способны сновидцы. Но это мелочи по сравнению с тем, что готовится обрушиться на этот мир...

Содержание

Пролог	7
1	12
2	19
3	29
4	33
5	43
6	63
7	70
8	75
9	83
10	94
11	99
12	111
13	122
14	129
15	135
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Мэгги Стивотер

Сновидец. Призови сокола

Maggie Stiefvater

CALL DOWN THE HAWK

Copyright © 2019 by Maggie Stiefvater All rights reserved
Published by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway,
New York, NY 10012, USA

Cover art by Christopher Stengel

© 2019 by Maggie Stiefvater All rights reserved Published by
arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY
10012, USA Cover art by Christopher Stengel

© Сергеева В.С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2020

* * *

*Колпачок на меня не надеть,
В клетку не посадить,
Ныне я гордым стал –
Мне бы над лесом лететь,
В туче бурной парить,
Гремящей грозой меж скал.*

У. Йейтс, «Сокол»

*Если грезить чуть-чуть – опасно, то лекарство
от этого – грезить не меньше, а больше, грезить
постоянно.*

Марсель Пруст, «В поисках утраченного времени»

*Вы уверены, что пол не может также быть
и потолком?*

М. К. Эшер, «Быть графиком»

Пролог

Это будет история о братьях Линч.

Их было трое, и если один вам не нравился, всегда имело смысл попытаться счастья с другим, поскольку тот Линч, который казался окружающим слишком кислым или слишком сладким, мог прийтись как раз кому-то по вкусу. Братья Линч, сироты Линч. Всех их создали сны, так или иначе. И все до одного, они были чертовски красивы.

Они заботились друг о друге. Их мать, Аврора, умерла так, как иногда умирают сны, жестоко, безвинно, неожиданно. Их отца, Ниалла, убили – или прикончили – в зависимости от того, в какой мере вы считали его человеком. Жили ли на свете и другие Линчи? Маловероятно. Линчи, как показала практика, очень хорошо умели умирать.

Сон – не самая безопасная вещь для того, чтобы строить на ней жизнь.

Поскольку братья Линч были в опасности с самого начала, они научились разным способам минимизировать угрозу. Диклан, старший, обрел безопасность, став как можно более скучным. У него это хорошо получалось. Везде – в школе, вне ее, даже на свиданиях – он неизбежно выбирал самый скучный вариант. У Диклана к этому был настоящий талант; некоторые оттенки скуки намекают, что их носитель в глубине души на самом-то деле человек, полный прихотей

и нюансов, однако Диклан постарался развить такую форму, которая давала понять, что в глубине души он еще скучнее. Диклан не был невидимкой – у невидимок свое обаяние, своя тайна. Он был просто скучным. Теоретически он учился в колледже на факультете управления, и в двадцать один год у него была впереди вся жизнь, но мало кто это помнил. Диклан вообще не врезался в память.

Мэтью, младший, наслаждался безопасностью, будучи необыкновенно добрым. Он отличался приятным чувством юмора, покладистостью, деликатностью. Ему всё нравилось, на полном серьезе. Он смеялся шуткам. Выражался, как мальчик с поздравительной открытки. Он даже выглядел добрым, превратившись из золотоволосого ангелочка в золотоволосого семнадцатилетнего Адониса. Его конфетная, щенячья доброта казалась бы невыносимой, если бы Мэтью не был так неопрытен за едой, ленив в учебе и не слишком умен. Все хотели обнять Мэтью Линча, а он охотно им позволял.

Ронан, средний брат, отстаивал свою безопасность, прибегая к устрашению. Как и остальные братья Линч, он регулярно ходил в церковь, хотя большинство людей полагали, что играет он за другую команду. Ронан носил черное, как на похоронах, и держал ворона в качестве домашней зверюшки. Он брился почти наголо, и на спине у него красовалась татуировка, полная когтей и зубов. Лицо у среднего Линча было кислое, и говорил он мало. Слова, которые он таки расчехлял, превращались в кинжалы – сверкающие, острые, –

и мало кому хотелось ощутить их остроту. Еще у Ронана были синие глаза. Обычно люди полагают, что это красиво, но только не в случае Ронана. Его глаза не наводили на мысль о васильках, небе, младенчестве, индиго, лазури. Они были цвета айсберга, бури, обморожения, внезапной смерти. Все в нем давало понять, что он, возможно, сейчас сопрет ваш бумажник или ударит ребенка головой о камень. Ронан гордился фамильным именем, и оно ему шло. Губы у него всегда были сложены так, как будто только что его произнесли.

У братьев Линч было много тайн.

Диклан коллекционировал особые фразочки, которые не позволял себе употреблять публично, а еще обладал необыкновенной ослепительной улыбкой, которую никто никогда не видел. У Мэтью было поддельное свидетельство о рождении – и не было отпечатков пальцев. Иногда, задумавшись, он брел по абсолютно прямой линии. К чему он устремлялся? Или от чего уходил? Не знал даже он сам.

Секрет Ронана был самым опасным. Как и многие важные секреты, он передавался в семье – в данном случае от отца к сыну. В нем крылось хорошее и плохое. Хорошее заключалось в том, что иногда, когда Ронан засыпал и видел сон, он просыпался с этим сном. Плохое заключалось в том, что иногда, когда Ронан засыпал и видел сон, он просыпался с этим сном. Чудовища и машины, погода и желания, страхи и леса.

Сон – не самая безопасная вещь для того, чтобы строить на ней свою жизнь.

Оставшись без родителей, Линчи ушли в тень. Диклан перестал торговать снами и отправился в колледж ради наискучнейшего диплома по политическим наукам. Ронан по мере сил ограничивал свои кошмары семейной фермой в глуши штата Вирджиния. А Мэтью... ну, Мэтью должен был только следить, чтобы случайно не забрести слишком далеко.

Диклан становился всё скучнее, а Ронан всё сильнее скучал. Мэтью старался, чтобы ноги не занесли его в такое место, которого он бы не понял.

Они все хотели большего.

Одного из них в конце концов ждал прорыв. Ниалл был бешеным мечтателем из Белфаста, которому огонь поджаривал пятки, а Аврора – золотым сном, в чьих глазах отражалось безбрежное небо. Их дети были созданы для хаоса.

Стоял морозный октябрь, дикий октябрь, беспокойное время, которое пробирается под кожу и трепещет в крови. Прошло два месяца с начала осеннего семестра. Деревья жадно вытягивали хрупкие ветви. Умирующие листья были игривы. Зима завывала за дверью по ночам, но огонь в камине отдалял ее еще на несколько часов.

Что-то пришло в движение в этом октябре, что-то потягивалось, расправляло лапы, пыхтело, но в основном пока оставалось незримым. Впоследствии оно должно было обрести имя, но пока что просто будоражило всё необычное, к чему прикасалось, и братья Линч не были исключением.

Диклан не выдержал первым.

В то время как младший брат сидел в школе, а средний симулировал болезнь на ферме, Диклан открыл шкаф в спальне и достал листок бумаги с телефонным номером. При одном взгляде на него сердце у Диклана забилося быстрее. Вместо того чтобы уничтожить этот клочок, он позвонил.

– Линч? – спросил голос на другом конце.

– Да, – напрямик ответил тот. – Мне нужен ключ.

И положил трубку.

Диклан никому не сказал об этом звонке, даже братьям. Что такое еще один крохотный секрет, думал он, когда жизнь и так ими полна.

Скука и тайны – взрывчатое сочетание.

Что-то должно было сгореть.

Все создания начали засыпать.

Драматичней всего вышло у кошки. Это было красивое животное – для того, кто любит кошек, – с изящной мордочкой и длинной пушистой шерстью, при взгляде на которую казалось, что сейчас она растает и превратится в жидкий сахар. Она была трехцветная – и при нормальных обстоятельствах никто бы не усомнился в ее половой принадлежности. Такой окрас получают при двух X-хромосомах. Но, возможно, это правило было неприменимо здесь, в уютном сельском коттедже, о котором почти никто не знал. Здесь правили иные, не научные законы. Эта кошка могла вообще быть не кошкой. Она имела форму кошки, но такую же форму порой имеют и пряники.

Она видела, как он умер.

Кеван Браун, вот как его звали. Имена, как хорошие ботинки, переживают тех, кто их носил. Им говорили, что он опасен, однако он швырял в них всем, кроме того, что они боялись. Маленьким столиком. Вылинявшим плюшевым креслом с цветочным узором. Пачкой журналов по дизайну. Небольшим телевизором. Он пырнул Рамси распятием, которое сорвал со стены в коридоре, и Рамси даже счел это забавным. «Господи помилуй», – сказал он.

Одна из женщин щеголяла в кожаных сапожках на каблук-

ках, и теперь они были запачканы невероятным количеством крови. Один из мужчин был склонен к мигреням, и сонная магия этого места уже зажигала огоньки на периферии его зрения.

В конце концов Лок, Рамси, Николенко и Фарух-Лейн загнали Брауна и кошку в кухоньку с низким потолком, где в пределах досягаемости не было ничего, кроме декоративной травяной метелочки на стене – и кошки. Метелочка ни для чего не годилась, даже для того, чтобы подметать, зато кошка могла нанести определенный ущерб, если правильно бросить. У большинства людей, впрочем, не такой склад ума, чтобы бросить кошку, и Браун принадлежал к их числу. Он понял, что у него не хватит духу, – и сдался.

– Пожалуйста, не убивайте деревья, – попросил он.

Они выстрелили в Брауна. Несколько раз. Ошибки стоят дорого, а пули дешево.

Трехцветке повезло, что и ее не застрелили, когда она сидела, сжавшись, позади Брауна. Пули пробивают тела насквозь, это их задача. Но кошку просто забрызгало кровью. Она издала чудовищный вопль, полный ярости, распушила хвост, и шерсть у нее встала дыбом. А потом она кинулась на них – не приходилось сомневаться, что диаграмма Венна, изображающая кошек и людей, готовых бросать ими во врага, представляет собой круг.

В течение нескольких секунд представлялось вполне вероятным, что сейчас кто-то из них получит полное лицо ког-

тей и зубов.

Но потом Браун содрогнулся в последний раз и затих.

И кошка упала.

Ее тельце стукнулось о пол, издав ни на что не похожий звук; сложносочиненный «шмяк» бесчувственного мешка с костями невозможно воспроизвести. Трехцветка издала этот звук и тоже замерла. Впрочем, в отличие от Брауна, ее грудь продолжала подниматься и опускаться, подниматься и опускаться.

Самым немислимым, неестественным образом... она спала.

– Ни хрена себе, – заметил Рамси.

Над маленькой белой раковиной было окно, за которым виднелось темно-зеленое поле – а если посмотреть внимательней, то и три косматых коня, стоявших в истоптанной грязи у ворот. Они рухнули на колени, привалившись друг к другу, как пьяницы. Две козы что-то недоуменно проблеяли, прежде чем упасть. Там были и куры, но они уже заснули – зеленую траву усеивали мягкие разноцветные холмики.

Таких, как Кеван Браун, Модераторы называли словом «Зет». Иногда, когда Зет засыпал, он пробуждался, держа в руках то, что ему приснилось. Эта кошка, очевидно, не была кошкой. Это было похожее на кошку существо, которое Браун принес из собственной головы. И, как все прочие живые сны, оно заснуло, когда Брауна убили.

– Отметь время смерти для отчета, – велела Николенко.

Они вновь сосредоточились на добыче – или жертве, в зависимости от того, можно ли было считать Брауна человеком. Фарух-Лейн достала телефон и набрала сообщение.

Теперь нужно было найти еще одного Зета.

Над головой висели темные тучи, заслоняя вершины пологих холмов. Маленькую ферму Керри окружал маленький мшистый лесок. Он был красив, но воздух между деревьями гудел еще сильнее, чем в доме. Не то чтобы в этой атмосфере они не могли дышать. Скорее, они не могли здесь думать – ну или думали слишком много. Они все слегка занервничали; здесь угроза казалась вероятнее.

Другой Зет даже не старался спрятаться. Лок нашел его сидящим в развилке обомшелого дерева, с неприятно бесстрастным выражением лица.

– Вы убили его, так ведь? – спросил Зет. И добавил, когда к Локу присоединилась Фарух-Лейн: – А, и ты тут.

Зет и Фарух-Лейн обменялись взглядом, полным непростого узнавания.

– Можно и по-другому, – сказала она. Фарух-Лейн слегка дрожала. Не от холода. Не от испуга. Это ощущение обычно называется «кто-то прошел по твоей могиле». – Просто перестань видеть сны.

Лок кашлянул, словно полагал, что это условие вовсе не такое простое, но ничего не сказал.

– Правда? – спросил Зет, глядя на Фарух-Лейн. Он смотрел только на нее, как будто остальных тут не было. В общем,

логично; она тоже смотрела только на него. – Тогда я всё равно умру. Я ожидал от тебя большей сложности, Кармен.

Лок поднял пистолет. Он ничего не сказал вслух, но конкретно этого Зета он считал особенно стремным ублюдком – даже без учета того, что он натворил.

– В таком случае, ты сделал свой выбор.

Тем временем Рамси доставал канистры из багажника взятой напрокат машины; ему весь день не терпелось пустить их в ход. «Топливо», – с усмешкой говорил он, как будто синонимы сами по себе представляли материал для шутки. Когда Рамси пинком опрокинул последнюю канистру в направлении коттеджа, маленькая роща уже пропахла сладким канцерогенным запахом бензина. Он, вероятно, был из тех людей, которые не задумаются бросить кошку.

– Следите за дорогой, пока будет гореть, – велел Лок. – Давайте побыстрее.

Зет наблюдал за ними с отстраненным интересом.

– Я понимаю, зачем убирать меня, ребята, но при чем тут Браун? Он еще щенок. Чего вы боитесь?

Лок сказал:

– Что-то близится. Что-то, способное положить конец миру.

В этом гудящем лесу драматические фразы наподобие «конец миру» казались не только уместными, но и вполне вероятными.

Зет усмехнулся улыбкой висельника.

– Это ты о себе?

Лок выстрелил в него. Несколько раз. Было совершенно ясно, что первый выстрел сделал свое дело, но Лок продолжал давить на курок, пока страх не покинул его. Когда эхо выстрелов перестало разноситься по лесу, что-то в глубине зарослей гулко упало наземь – с тем же звуком, что и кошка на кухне. Что-то неопределенное. И все они обрадовались, что эта тварь заснула прежде, чем они успели с ней встретиться.

Теперь, когда лес затих, оставшиеся в живых взглянули на Кармен Фарух-Лейн.

Ее глаза были плотно закрыты; она стояла, отвернувшись, как будто сама ждала пули. Губы у нее двигались, но она не плакала. Зато казалась моложе. Обычно она предпочитала такую офисную утонченность – льняные костюмы, прелестные высокие прически; трудно было угадать возраст Фарух-Лейн – собеседник видел только успешную и хладнокровную бизнес-леди. Но в ту минуту весь лоск сошел, и она вернулась в свои реальные «чуть за двадцать». Ощущение было не из приятных – хотелось набросить на Фарух-Лейн одеяло, чтобы вернуть ей утраченное достоинство. Но, по крайней мере, в ее преданности сомневаться не приходилось. Она зашла так же далеко, как все они, и видела свой путь до конца.

Лок покровительственно положил руку ей на плечо и негромко пророкотал:

– Хреново, да.

Трудно было сказать, утешило ли это Фарух-Лейн.

Лок обратился к остальным:

– Давайте закончим и уберемся отсюда.

Рамси чиркнул спичкой. Сначала он дал Николенко прикурить, потом прикурил сам. И наконец бросил спичку в залитый бензином подлесок – за мгновение до того, как огонек обжег ему пальцы.

Лес запылал.

Фарух-Лейн отвернулась.

Выпустив клуб дыма в направлении мертвого Зета, Рамси поинтересовался:

– Мы спасли мир?

Лок занес в телефон время смерти Натана Фарух-Лейна.

– Пока рано судить.

2

Ронан Линч собирался устроить конец света.

Во всяком случае, своего света. Прежний он завершил и теперь начинал новый. В начале пути был один Ронан Линч, в конце будет другой.

– Вот какова ситуация, – сказал Диклан. Это был его классический способ начать разговор. Другие хиты включали «давайте сосредоточимся на деле», «вот что понадобится, чтобы поставить точку» и «в интересах внесения ясности». – Я бы не возражал, что ты берешь мою машину, если бы ты не гнал за девяносто.

– А я бы не возражал, что беру твою машину, если бы ты не ездил как старый пень, – отозвался Ронан.

Было начало ноября, когда деревья красивы, небо чисто, а в воздухе висит возбуждение. Трое братьев спорили на парковке у магазина – входившие и выходившие глазели на них. Эта несхожая между собой троица, действительно, привлекала внимание: Ронан, в зловещих ботинках и с зловещим выражением лица; Диклан, с безупречно приглаженными кудрями и в неброском сером костюме; Мэтью, в необыкновенно уродливых клетчатых брюках и ярко-синей куртке.

Ронан продолжал:

– Некоторые виды плесени ползут быстрее, чем ты едешь. Если бы ты сел за руль, мы бы доехали за четырнадцать

дцать лет. Семнадцать. Сорок. Сто. В конце концов мы бы успели на твои похороны.

Братья Линч пустились в путешествие впервые после того, как умерли их родители. Спустя пятнадцать минут после отъезда Диклан получил звонок, на который не желал отвечать в машине. И теперь путешествие застопорилось, потому что они не могли решить, кто сядет за руль. До сих пор вел Ронан; мнения по поводу того, стоит ли давать ему эту привилегию вновь, разделились. На магазинной парковке братья подытожили факты: машина Диклана, путешествие Ронана, каникулы Мэтью. Диклан получил письмо из страховой компании, обещавшей ему повысить ставку за личный водительский рекорд. Ронан получил письмо, в котором ему советовали изменить свои водительские привычки – или лишиться прав. Мэтью не интересовался вождением; он сказал, что если у человека нет друзей, готовых отвезти его туда, куда ему хочется, значит, он живет неправильно. И, в любом случае, экзамен на вождение он завалил трижды.

– В конце концов, решение мое, – сказал Диклан, – и машина тоже.

Он не добавил «а еще я старший», потому что эта фраза и так висела в воздухе; в прошлом она часто становилась причиной эпических битв между братьями. И значительный прогресс в их отношениях знаменовало то, что на сей раз она осталась невысказанной.

– Слава богу, – сказал Ронан. – Больше никому она не

нужна.

– Она очень надежная, – буркнул Диклан, глядя в телефон.

Время жгло, пока он набирал эсэмэску или письмо своим особым образом, большим пальцем левой руки и указательным правой.

Ронан пнул покрывку «Вольво». Он хотел ехать. Ему **НУЖНО** было ехать.

– Будем меняться каждые два часа, – наконец сказал Диклан в своей бесцветной манере. – Это честно, так ведь? Ты рад. Я рад. Все рады.

Он солгал. Рад был только Мэтью, потому что Мэтью всегда был рад. Устроившись на заднем сиденье с наушниками, он выглядел довольным, как свинья в луже. Младший Линч сказал:

– Пока мы тащимся в этом драндулете, мне надо будет перекусить.

Диклан положил ключи на ладонь Ронана.

– Если тебя остановят, ты больше никогда не сядешь за руль моей машины.

И они уехали, по-настоящему уехали, и Вашингтон остался в зеркальце заднего вида.

Ронан никак не мог поверить, что Диклан согласился на автомобильное путешествие. Эта поездка, спланированная Ронаном, чтобы посмотреть три съемных квартиры в другом штате, совершенно точно подпадала под категорию поступ-

ков, которые Диклан в прошлом не одобрил бы. Ронан, с его опасными грезами, будет спать в каком-то ином месте, помимо Амбаров и дома Диклана? Сомнительно. Ронан будет жить в каком-то ином месте, помимо Амбаров и дома Диклана? Исключено.

Ронан понятия не имел, отчего Диклан поддержал эту идею. Знал он лишь то, что они находились в восьми часах езды от ответа на вопрос, удастся ли Ронану начать новую жизнь. Не считая злополучного отрезка времени сразу после гибели их отца, Ниалла, Ронан никогда нигде не жил, кроме Амбаров. Он обожал Амбары, Амбары ему наскучили, он хотел уехать, он хотел остаться. В Амбарах Ронан находился в двух секундах от детских воспоминаний и в двух часах езды от братьев. Он знал, что может безопасно грезить там, в окружении своих прочих грез. В Амбарах Ронан знал, кто он такой.

Кем был бы Ронан Линч в Кембридже?

Он понятия не имел.

В Мэриленде они поменялись и купили на заправке перекус для Мэтью. Он шумно и с явным восторгом слопал всё. Вырулив обратно на шоссе, Диклан велел Мэтью закрывать рот во время еды. Бессмысленная трата сил, поскольку Мэтью твердили это семнадцать лет.

– Просто давай ему мягкую пищу, – посоветовал Ронан. – Вот и выход. Не будет слышно, как она падает в желудок.

Мэтью снова засмеялся. Больше, чем шутки в адрес Ди-

клана, ему нравились только шутки в свой собственный адрес.

Через несколько минут Диклан спросил у Ронана, понизив голос:

– Как давно ты спал?

Мэтью, затерявшись в наушниках, играл на телефоне и не слушал, но, в любом случае, это было бы не страшно: Ронан не скрывал от него своих способностей. Просто Диклану всё нравилось больше, если было тайной.

– Недавно.

– Достаточно недавно?

– Не знаю, сейчас сверюсь с расписанием. И тогда точно пойму, что значит «достаточно недавно».

Ронан высыпал себе в рот пакетик орехов в шоколаде, надеясь завершить разговор. Ему не хотелось ни говорить об этом, ни показывать, что он не хочет об этом говорить. Он слегка подавился орехами, но в остальном Ронану удалось сохранить уверенный вид. Беспечный. Все будет нормально, гласил хруст орехов. Давай поговорим о чем-нибудь другом, намекал хруст орехов. Ты неразумен, если задаешь такие вопросы, подводил итог хруст орехов.

Диклан держал в руке энергетический батончик, но не разворачивал его.

– Не веди себя так, как будто я задаю неразумные вопросы.

Были две главные причины, по которым путешествие

представляло опасность для сновидца. Во-первых, Ронан никогда не был на сто процентов уверен, что случайно не принесет с собой свой сон, когда проснется. Иногда он приносил нечто безвредное – перышко, мертвую аквариумную рыбку, цветок в горшке. Но иногда это были странные песни, от которых слушателю становилось физически плохо, или неутолимо голодные ящерицы, или две тысячи полуботинок, все левые и все девятого размера. Когда эти вещи возникали в отдаленных Амбарах, то становились неприятными помехами, порой небольшими проблемами (укусы ящериц бывали очень болезненны). Но если они появлялись в доме Диклана, или в номере отеля, или рядом с машиной, где спал Ронан, в городской зоне отдыха...

Нет.

– Открыть тебе этот несчастный хипстерский батончик? – поинтересовался Ронан.

– Не отклоняйся от темы, – упрекнул его Диклан. Однако согласился.

Ронан разорвал обертку и куснул на пробу, прежде чем вернуть батончик брату. Вкус был, как если бы он упал лицом в мокрый песок.

– Превосходно, Ронан, – Диклан слегка подул на откушенный краешек батончика, словно его дыхание могло удалить микробы. – Я просто не понимаю, насколько серьезно ты к этому относишься.

Вторая причина, по которой путешествие для сновидца

было небезопасно: ночная грязь. Это сексуальное слово Ронан придумал для обозначения несексуального феномена. Раньше он с ним не сталкивался; всё, что он знал, – это что если он грезил слишком редко или проводил слишком много времени вдали от холмов западной Виржинии, где родился, из носа у него начинала течь черная жидкость. Потом из глаз. Потом из ушей. Если не заметить вовремя, она наполняла грудь, мозг, все тело. Убивала его. Возможно, был способ это прекратить, но Ронан не знал других живых сновидцев, у которых он мог бы спросить. За много лет он встретил лишь двоих – отца и одного, ныне покойного, ученика из своей школы – и они никогда не упоминали о ночной грязи.

Сумеет ли он переносить пребывание в Кембридже (штат Массачусетс), вместо Амбаров, на протяжении хоть какого-то времени? Он не узнает, пока не попробует.

– Теперь моя очередь выбирать музыку, – сказал Мэтью.

– Нет, – хором ответили Диклан и Ронан.

Телефон Диклана, лежавший на приборной панели, потребовал внимания. Ронан хотел взять его, но Диклан выхватил мобильник из рук брата с такой скоростью, что чуть не уехал в кювет. Ронан едва успел заметить начало сообщения:

«Ключ...»

– Эй, чувак, – сказал он, – не трону я твою девочку.

Диклан сунул телефон в карман рядом с креслом.

– Новый личный тренер? – продолжал Ронан. – Новый поставщик протеиновых батончиков? Актуальная информация

о высокотехнологичных коврах для дома и сада?

Диклан не ответил. Мэтью весело подпевал наушникам.

Никто из братьев ни словом не прокомментировал переезд Ронана, а он не понимал, то ли это потому, что им было наплевать, то ли потому, что они сомневались в исходе.

Он не знал, какой вариант предпочел бы сам.

Нью-Йорк. Они заехали на автостанцию. Мэтью побежал в туалет. Диклан ответил на очередной звонок. Ронан ходил туда-сюда. Ветер, шуровавший у него под воротником, казался ловким и изобретательным, а пульс таким же быстрым и неровным, как тонкие ноябрьские облака над головой.

Деревца, окружавшие автостанцию, были редкими и бесформенными – собранные в кучу палочки, а не лес. Чужие деревья. Незнакомые. Хлюпики с городским почтовым индексом. Почему-то при виде этого зрелища до Ронана окончательно дошло, что именно он пытался сделать. Столько лет ничего не менялось. Он бросил школу, о чем не жалел – ну, в общем и целом – а его друзья закончили учебу. Двое из них, Ганси и Блу, позвали Ронана с собой, в путешествие через всю страну, но тогда он никуда не хотел ехать. Только не после того, как он с головой ушел...

– ...а Адам? – Мэтью задал какой-то вопрос, но Ронан прослушал.

Младший брат вернулся с пакетом мармеладок и тихо уплетал их.

– Слушай, я открыт к конструктивной критике. Обструктивной. Конструктивной. Да, блин.

«Адам».

Пунктом назначения был Адам Пэрриш.

«Есть хоть какой-нибудь вариант, при котором ты мог бы поехать со мной в Кембридж?» – спросил Адам в день отъезда.

Возможно. Ронан навещал его один раз, с тех пор как началась учеба, но это вышло спонтанно – он сел в машину посреди ночи, провел день с Адамом и уехал обратно, не сомкнув глаз ни на минуту. Он не хотел проверять себя на прочность.

Очень правдоподобно. Ронан Линч мог доехать до Кембриджа, и обратное пока не было доказано.

«Адам».

Ронан скучал по нему, как по части себя.

Диклан появился вновь, глядя на часы с выражением человека, привыкшего, что время его разочаровывает. Он открыл дверцу со стороны водителя.

– Эй, моя очередь, – запротестовал Ронан.

Он знал, что, если не будет вести, его мысли понесутся к ближайшему будущему. Адам знал, что Ронан приезжает на выходных, но не знал, что он собирается осмотреть съемное жилье. Ронан понятия не имел, как Адам отреагирует.

– Мы договорились.

– Договорились, как с неба свалились, – сказал Мэтью. –

Шутка.

– На здешних дорогах я тебя за руль не пущу, – и Диклан хлопнул дверцей, словно ставя точку.

Мэтью содрогнулся. Ронан плюнул.

Сидя в машине, Мэтью потянулся вперед и торжествующе завладел проигрывателем. Из динамиков понеслась даб-степовая версия какой-то попсы.

Предстояли долгие два часа до Кембриджа.

Ронан натянул куртку на голову, чтобы заглушить звук и успокоить разыгравшиеся нервы. Он чувствовал, как бие-ние сердца отдается под челюстью. Он слышал, как оно стучит в ушах. Он подумал: его сердце звучит, как любое другое. Как сердце Адама, когда его голова покоилась на груди Ронана. Ронан не так уж сильно отличался от остальных. Ну... он мог казаться почти нормальным. Он мог переехать поближе к тому, кого любил, как всякий другой человек. Он мог жить в большом городе, как всякий другой человек. Всё вполне могло получиться.

Он начал грезить.

Во сне Ронана был голос.

«Ты знаешь, что мир устроен не так».

Он был везде и нигде.

«Ночью мы видели звезды. В те времена при свете звезд было светло, даже когда заходило солнце. Сотни фонариков, висящих в небе. Достаточно светло, чтобы есть, достаточно, чтобы сочинять легенды, достаточно, чтобы отправлять туда людей.

Ты этого не помнишь, потому что родился слишком поздно».

Голос был неизбежен и естественен, как воздух, как погода.

«Возможно, я тебя недооцениваю. Твоя голова полна снов. Они должны помнить. Какая-нибудь часть твоей души еще смотрит на небо и тоскует?»

Ронан лежал посреди автострады. Три полосы в каждую сторону, ни одной машины, только Ронан. Здесь, в мире снов, он понимал, что эта дорога начинается в Амбарах и заканчивается в Гарварде, а он находится где-то посередине. Маленькие полузадохшиеся деревца пробивались сквозь редкую травку на обочине. Небо было цвета истертого асфальта.

«Мы привыкли слышать звезды. Когда люди перестава-

ли говорить, наступала тишина. А теперь, даже если заткнуть все рты на планете, будет шум. Стонут кондиционеры в вентиляционном отверстии. По шоссе в нескольких милях от тебя проносятся грузовики. В десяти тысячах футов над тобой жалуется самолет. Тишина – вымершее слово. Неприятно, да?»

Но во сне стояла идеальная тишина, не считая голоса. Ронан не задумывался, сколько времени прошло с тех пор, как он в последний раз слышал идеальную тишину, – до нынешней минуты. Он сомневался, что вообще ее слышал, – до нынешней минуты. Она была спокойной, а не мертвой. Всё равно что сбросить груз, который он тащил, не подозревая того; бремя шума, бремя остальных людей.

«Магия. Теперь это слово утратило цену. Сунь четвертак в прорезь и получи магический фокус для тебя и для друзей. Большинство людей не помнят, что это такое. Разрезать человека пополам и вытащить кролика из шляпы – не магия. Достать карту из рукава – тоже. Всякое «следите за руками» тут ни при чем.

Если ты когда-нибудь смотрел в огонь, не в силах ответить взгляд, это было оно. Если ты когда-нибудь смотрел на горы, затаив дыхание, это оно. Если ты когда-нибудь смотрел на луну и ощущал слезы на глазах, это оно. То, что между звезд и между корней, то, что заставляет электричество просыпаться по утрам.

И оно, блин, ненавидит нас».

Ронан не знал, кому этот голос принадлежит и есть ли у него в принципе владелец. Во сне физические истины становились несущественны. Возможно, это говорило шоссе под ним. Небо. Кто-то, стоящий за пределами видимости.

«Противоположность волшебному – необычное. Противоположность волшебному – род людской. Этот мир – неоновая вывеска, на которой выгорели все буквы, кроме тех, что складываются в слово ЛЮДИ.

Ты понимаешь, что я пытаюсь тебе сказать?»

Ронан ощутил черепом какой-то рокот – далекие грузовики, рыча, катили к тому месту, где он лежал посреди центральной полосы.

Он подумал, что не позволит этому сну стать кошмаром.

«Будь музыкой», – велел он.

Рокот приближающихся грузовиков превратился в даб-степ Мэтью.

«Этот мир убивает тебя, но Они успеют раньше. Они с большой буквы «О». Они.

Ты еще их не знаешь – но узнаешь».

Брайд. Голос имел имя, и оно внезапно возникло в голове у Ронана, точно так же, как возникло там знание о шоссе – в виде несомненной истины. Небо синее, асфальт теплый, голос принадлежит кому-то по имени Брайд.

«В битве, которая нам предстоит, есть две стороны, и на одной из них – пятничная распродажа, бесплатный вайфай, модель этого года, только по подписке, теперь еще

удобнее, отсекающие шум наушники, по машине каждому «зеленому», дальше тупик.

На другой стороне магия».

Ронан с некоторым усилием вспомнил, где находится его физическое тело – едет в машине с братьями, по направлению к Адаму и новой жизни. И надежно контролирует сны.

«Ничего не приноси с собой», – велел себе Ронан. Нехвати грузовик, дорожный знак, дабстеп, который нельзя заткнуть, можно только зарыть где-нибудь во дворе. Держи грезы в голове. Докажи Диклану, что ты это можешь.

Брайд шептал: «Ты сделан из снов, и этот мир не для тебя».

Ронан проснулся.

– Внимание, Вашингто-о-о-он, округ Колумбия! Сообщите властям! – смеялся Ти-Джей Шарма, хозяин дома. – Кто-нибудь, скажите им, что здесь девушка с суперспособностями!

Все в этом типовом домике в пригороде Вашингтона смотрели на Джордан, девушку с глазами, похожими на чудо, и улыбкой, как ядерный взрыв. Остальные участники вечеринки предпочитали небрежный практичный стиль; Джордан не верила ни в небрежность, ни в практичность. Она явилась в кожаной куртке и кружевном корсаже; от природы кудрявые волосы были собраны в огромный хвост. Цветочные татуировки на шее и на пальцах ярко сияли на фоне темной кожи, а энтузиазм на фоне пригородной ночи светился еще ярче.

– Ш-ш, ш-ш, – сказала Джордан. – Сверхспособности – как дети, ребята...

– Два из пяти в каждой американской семье? – спросил Ти-Джей.

– Лучше увидеть, чем услышать.

На заднем плане какая-то группа эпохи девяностых бешено завывала о своей молодости. Звякнула микроволновка – появилась очередная порция дешевого попкорна. Участники вечеринки были одновременно полны иронии и носталь-

гии; Ти-Джей пошутил, что ее основная тема – замедленное развитие. На столе стояла стеклянная чаша для пунша, полная сухариков с корицей, на экране шел «Губка Боб», рядом кучей валялись видеоигры. В основном все присутствующие были белее, чем Джордан, старше, безопаснее. Она сомневалась, что они пришли бы на вечеринку, если бы им не сулили представление.

– Смелей, ребята. Стоять в очереди – это для тех, кто следует правилам, – сказала она и указала на блокнот, который принес Ти-Джей. – Пора за уроки. Максимум доверия. Напишите: «Быстрая бурая лиса перепрыгивает через ленивую собаку», – и подпишитесь. Своим лучшим школьным почерком.

Джордан присутствовала на этой вечеринке как Хеннесси. Никто здесь не знал настоящую Хеннесси и не мог сказать, что это не она. Даже Ти-Джей знал ее как Хеннесси. Джордан привыкла носить чужие имена – гораздо более странным показалось бы, если бы кто-то назвал ее настоящее имя.

– Вам понравится, – голосом, полным возбуждения, сказал Ти-Джей остальным.

Он, в общем, нравился Джордан – молодой вице-президент местного банка, стройный Питер Пен, мальчик в мире взрослых, ну или наоборот. Он до сих пор покупал себе игрушки и ждал, когда телефон велит ему идти спать. Он снимал домик пополам с соседями – не потому что не мог позволить себе съем жилья в одиночку, а потому что еще не по-

нял, как это.

Они познакомились на улице, через пару недель после того, как Хеннесси и Джордан впервые появились в этих краях. Час ночи, ничего, кроме предвкушения и паров ртути, рассеивающих мрак. Джордан собиралась вернуть краденую машину, пока их всех не застрелили, а Ти-Джей возвращался после скучной полуночной поездки в торговый центр.

У него: навороченная «Тойота Супра», которую он купил на eBay после того, как увидел в ролике на YouTube.

У нее: навороченный старый «Челленджер», который Хеннесси угнала несколько часов назад.

Они обменялись претензиями на заправке. Победитель забирал чужую машину. Джордан обычно не делала глупостей, но она была похожа на Хеннесси ровно настолько, чтобы втянуться в эту игру.

Короче говоря, Джордан теперь ездила на «Супре». Она некоторое время возила и Ти-Джея – но Джордан ни с кем не встречалась долго. Впрочем, они оставались друзьями. По крайней мере, настолько, насколько могут быть близки люди, один из которых притворяется кем-то другим.

– Главное в настоящем мошенничестве, – сказала Джордан, – помнить, что нельзя скопировать подпись. Изгибы и росчерки будут выглядеть неестественно, вместо красивых обрывов получатся неловкие остановки. «Ерунда, – наверняка думаете вы, – можно перерисовать». Ни за что. Попробуйте – и ваши линии будут шататься, как пьяные. Даже ди-

летант, всмотревшись повнимательней, скажет, что подпись перерисовали. «Но Хеннесси, – думаете вы, – как же быть?» Нужно усвоить ее органическую структуру и систему форм. Архитектура подписи должна стать вашей. Интуиция, а не логика.

Говоря это, она стремительно выводила подписи и случайные сочетания букв. Джордан даже не смотрела на то, что делала, – ее глаза были устремлены на листок.

– Нужно ненадолго стать другим человеком.

Джордан сосредоточилась лишь на одном образце почерка. «Быстрая бурая лиса перепрыгивает через ленивую собаку», и подписано необычным именем – Брек Миртл. Угловатая подпись, которую воспроизвести проще, чем плавную. А еще у этого человека в почерке было несколько превосходных специфических черточек, что сделало бы фокус особенно эффектным для зрителей.

Перевернув бумагу, чтобы скрыть свои каракули, она уверенно написала на свободном месте: «В этот ноябрьский день я передаю все свое имущество необыкновенной Хеннесси». И безупречно подписала: Брек Миртл.

Джордан подвинула бумагу зрителям, чтоб те оценили.

Послышались восторженные возгласы. Смех. Шутливое негодование.

Брек Миртл, заинтересованная сторона, выдал неоднозначную реакцию.

– Как вы...

– Ну, Брек, ты попал, – сказала одна из женщин. – Просто идеально.

– Стремно, а? – спросил Ти-Джей.

Никто из них не знал, насколько – даже не подозревал. Если бы Брек Миртл продолжил говорить, Джордан освоила бы и его способ владения речью – она могла использовать это знание, чтобы составлять личные письма, электронные послания, эсэмэски, вместо того чтобы вынужденно ограничиваться формальным языком договоров. Подделывание было навыком, переносимым в самые разные сферы, пусть даже Джордан пользовалась им чаще в личной жизни, чем по делу.

– Вы слишком молоды для криминала, – со смехом сказала одна из женщин.

– Она еще только набирает силы, – заверил Ти-Джей.

Нет, Джордан уже вполне достигла расцвета. И она, и настоящая Хеннесси подделывали произведения искусства. Другие девушки тоже в этом участвовали, но в основном они просто копировали. Джордан выяснила, что люди зачастую не различают – точнее, смешивают – фальсификации и копии. В мире искусства было множество художников, способных воспроизвести знаменитые картины, вплоть до последней складки на рукаве. «Копии – не искусство», – презрительно говорила Хеннесси. Настоящая подделка – это абсолютно новая картина, написанная в стиле оригинала. Скопировать уже существующего Матисса – пустяки, достаточно разметки и хорошего владения цветом и техникой. Что-

бы создать нового Матисса, нужно не только рисовать, как Матисс, но и думать, как Матисс. «Вот это – искусство», – сказала бы Хеннесси.

И Джордан согласилась бы с ней.

Сквозь музыку девяностых пробился дверной звонок.

Сердце Джордан запрыгало от предвкушения.

– Берни! – сказал Ти-Джей. – Ты чего звонишь, как чужая? Заходи, бродяга!

Джордан по-прежнему была в дружеских отношениях с Ти-Джеем, но не стала бы тусить с его скучными друзьями без дополнительной причины. И вот эта причина появилась: женщина в изящном фиолетовом брючном костюме и темных очках с круглыми стеклами. Бернадетта Фейнман. Со своими седыми волосами, туго стянутыми блестящей жемчужной заколкой, она казалась единственным взрослым человеком в этой комнате. Причем не просто взрослым, а таким, который готов сшить шубу из ста и одного далматинца. Скорее всего, никто из присутствующих этого не знал, но Фейнман также была одним из действующих лиц Волшебного базара – глобального черного рынка, где торговали всеми видами элитных нелегальных товаров и услуг. Ключевое слово – «элитных».

Не каждый преступник мог выставить на этом рынке свои товары. Только преступник высшего класса.

Джордан хотела туда попасть. Ей это было необходимо.

Бернадетте Фейнман предстояло принять решение.

Фейнман шагнула в дом. Походка у нее была разболтанная, как у богомола, но голос звучал мягко и мелодично.

– Я сказала бы, что не хотела опаздывать, но, пожалуй, нам лучше не врать друг другу.

Ти-Джей вручил ей бокал, точь-в-точь как маленький мальчик, который хочет убедиться, что у дорогой бабушки есть все необходимое. Джордан заметила: остальные получили пиво, а Фейнман достался изящный бокал с шипучим белым вином – в одну руку, и сигарета с гвоздикой – в другую.

– Это Берни, ребята. Мой магистр Йода, мой наставник... поэтому давайте выпьем за старших! – сказал Ти-Джей и поцеловал ее в щеку.

Гости выпили за старших и принялись за игры.

Фейнман наклонилась над столом, чтобы посмотреть на подписи. Затем она подняла взгляд на Джордан.

– Значит, вы – Хеннесси. И, конечно, это не всё, что вы умеете.

Джордан широко улыбнулась. Своей ненасытной улыбкой, полной уверенности и добродушия. Никаких признаков волнения, никаких намеков на то, как это для нее важно.

Ти-Джей слегка нахмурился.

– Что там, Берни?

– Хеннесси ищет работу в агентстве, – Фейнман солгала так быстро, что Джордан задумалась, не приготовила ли она эту ложь заранее, до прихода.

– Занимаешься делами на моей вечеринке? – спросил Ти-

Джей. – Смотри, придется заплатить аренду за пользование моей гостиной как конференц-залом.

Фейнман подняла полный бокал.

– Принеси мне еще вина, Тедж.

Ти-Джей ушел, молча и послушно, как ребенок.

Постукивая серебристыми ногтями по поддельной подписи Брека, Фейнман перешла к делу.

– Полагаю, что увижу нечто большее, чем салонные фокусы.

– Это закуска, – заверила Джордан. – Не перепутайте с главным блюдом.

Зубы Фейнман представляли собой ровную линию жемчужин, скрытых за тонкими губами.

– Ну так несите еду.

– Минутку.

Улыбка Джордан исчезла в ту самую секунду, когда она вышла на холод. Она успокоилась, взглянув на «Супру», стоящую возле дома, где она ее выиграла, на пригородные коттеджи, освещенные лучами света с крылечек и из гаражей, на машины, которые тихо спали в сумерках под осенними деревьями, похожими на скелеты. Она подумала, как бы нарисовала этот район, где расположила бы центр композиции, что подчеркнула бы, а что убрала в тень. Она представила, как превратила бы его в произведение искусства.

Потом Джордан достала из машины шесть картин и вернулась в дом.

Она разложила свое добро на обеденном столе, чтобы Фейнман, держа в богомольей хватке винный бокал, могла его изучить. Это были копии. Демонстрация силы. Мэри Кэссетт, Хокни, Уотерхауз, Уистлер и «Мона Лиза» с татуировками, как у Джордан, потому что Джордан любила шутки.

Если гости уже успели удивиться, то теперь они были должным образом впечатлены. Даже жертва фальсификации – Брек Миртл – подошел, чтобы посмотреть поближе.

– Ну ты стремная, – сказал Ти-Джей. – Ты правда можешь подделывать кого угодно?

Фейнман наклонилась ближе, чтобы рассмотреть самое важное: края холста и досок, следы на обороте, текстуру, мазки, пигмент, аккуратность основы. Но найти изъян не сумела.

– А как выглядят ваши собственные картины? – спросила она.

Джордан не знала. Она всю жизнь рисовала за других.

– Есть вещи, о которых леди не говорят.

– Это должно быть впечатляюще... – Фейнман и ее гвоздичная сигарета склонились к пародийной «Моне Лизе». Краска как будто потрескалась от времени и выглядела совершенно как в музее; происхождение выдавали только татуировки.

– Хотя в этих играх есть свое удовольствие.

Джордан затаила дыхание.

Ей так было это нужно. Им всем было нужно.

Ти-Джей спросил:

– Так ее возьмут на работу?

Фейнман повернула свое тело богомола к Джордан и устремила на нее тот же внимательный взгляд, что и на картины. Глаза под темными стеклами очков не мигали. Джордан подумала: вот человек, который привык, что его слова суть бог – в равной мере для таких, как Ти-Джей, и таких, как Джордан. Если ты способен удерживать власть над обоими мирами – дневным и ночным, – твоя сила велика.

– Иногда, – сказала Фейнман, – приходится отказывать человеку, потому что он слишком квалифицирован. Чтобы не мешать ему достигнуть того, для чего он предназначен.

Джордан не сразу поняла, что ей отказали.

– Но...

– Я окажу вам услугу, – продолжала Фейнман. И бросила последний взгляд на «Мону Лизу». – Вы, возможно, пока этого не понимаете, но ваше предназначение, Хеннесси, – создавать оригиналы.

Если бы только это было правдой.

Адам Пэрриш.

Вот как это началось: Ронан сидел на пассажирском месте ярко-оранжевого «Камаро» Ричарда Кэмпбелла Ганси Третьего, семьдесят третьего года выпуска, и высовывался из окна, потому что машина его не вмещала. Маленькая историческая Генриетта казалась ближе, деревья и фонарные столбы одинаково склонялись над дорогой, словно пытались подслушать разговор внизу. Ну и пару они собой представляли. Ганси, отчаянно искавший смысла. Ронан, уверенный, что ничего не найдет. Один, предположительно, – самый успешный ученик Академии Агленби, другой – самый неуспешный. В те дни Ганси был охотником, а Ронан – похожим на охотничьего сокола лучшим другом, которого держали под колпачком и с колокольчиком, чтобы помешать ему разорвать самого себя на части собственными когтями.

Вот как это началось: школьник, который катил велосипед на последний холм перед городом, явно направляясь туда же, куда и они. На нем была форма Агленби, хотя, когда они подъехали, Ронан увидел, что она потерта – так, как не бывает потерта школьная форма после года носки. Значит, приобретена из вторых рук. Закатанные рукава обнажали жилистые предплечья, на которых отчетливым рельефом выделялись тонкие мускулы. Внимание Ронана особенно привлек-

ли кисти. Очаровательные юношеские пальцы с крупными костяшками, худыми, удлинёнными, как и незнакомое лицо.

– Это кто? – спросил Ганси, и Ронан не ответил, продолжая торчать из окна.

Они проехали мимо. Лицо Адама было сплошь противоречия. Напряжённое и подозрительное, решительное и неунывающее, непокорное и подавленное.

Тогда Ронан ничего не знал о том, кто такой Адам, и ещё меньше знал, кто такой он сам, однако, когда они миновали мальчика с велосипедом, всё началось; Ронан, откинувшись на спинку сиденья и закрыв глаза, вознес единственную, невыразимую, отчаянную молитву к Богу:

ПОЖАЛУЙСТА

А теперь Ронан ехал за Адамом в Гарвард. Диклан высадил его у ворот («Только не делай глупостей. Напиши мне утром»), и он так и стоял за железной оградой, рассматривая изящные, красивые здания и изящные, красивые деревья. Все было красновато-коричневым – кирпичные жилые корпуса и дорожки, ноябрьские листья и ноябрьская трава, осенние шарфы на шеях у студентов, бредущих мимо. Кампус казался незнакомым: смена времен года его преобразила. Удивительно, как сильно может измениться место за несколько недель.

Шесть тысяч семьсот студентов. У двадцати девяти процентов здесь же учились родители. Получают финансовую

помощь: шестьдесят процентов. Средний вступительный взнос: сорок тысяч. Годовая плата: шестьдесят семь тысяч долларов. Среднее ежегодное жалованье выпускника Гарварда спустя десять лет: семьдесят тысяч. Процент зачисленных абитуриентов: четыре целых семь десятых.

Ронан знал всю гарвардскую статистику. Когда Адама приняли, он не один вечер провел в Амбарах, изучая все детали и факты, какие только мог найти касательно этого университета. Недели напролет Ронан общался с двумя Адамами: одним, который заслужил себе место в Лиге Плюща, и другим, который боялся в скором времени продемонстрировать университету свою бесполезность. Ронан выносил это с максимальной деликатностью. Перед кем еще Адам мог похвастать, в конце концов? Его мать была бестолковой тенью, а если бы отец добился своего, то Адам, возможно, умер бы раньше, чем закончил школу. Поэтому Ронан впитывал информацию, тревогу, предвкушение и старался не думать о том, что они с Адамом ступают на разные пути. Он старался не думать о блестящих, образованных, прямолинейных людях в рекламных буклетах, в которых Адам мог влюбиться. Иногда Ронан размышлял, что могло случиться, если бы он окончил Агленби и тоже поехал осенью в колледж. Но это было так же невозможно, как представить Адама, который вылетел из школы и остался в Генриетте. Оба знали, кто они. Адам, ученый. Ронан, сновидец.

«Есть ли какой-нибудь вариант, при котором ты мог бы

поехать со мной в Кембридж?»

Возможно. Возможно.

Ронану понадобилось несколько секунд покопаться в телефоне, чтобы выяснить название корпуса – Тэйер – и еще несколько, чтобы найти карту кампуса. Он мог бы написать Адаму, что приехал, но Ронану нравилась идея приятного сюрприза. Адам знал, что он приедет сегодня, но не знал, когда. Ронан хорошо умел приходить и уходить, в приливном ритме любовника, который уходит с морем и возвращается при благоприятном ветре. В конце концов, таким был его отец, покидавший Амбары с багажником, полным грез, и возвращавшийся через несколько месяцев с багажником, полным денег и подарков. Такой, в конце концов, была его мать, которая провожала Ниалла, а затем встречала. Ронан хорошо помнил эти встречи. Как улыбка Авроры разворачивалась одновременно с гостинцами, вынутыми из багажника, как с Ниалла смахивали пыль, доставая с верхней полки памяти.

За последние несколько дней Ронан прокрутил в голове встречу с Адамом много раз, пытаясь представить, какую форму она примет. Они постоят, удивленные и тихие, прежде чем обняться на лестнице за дверью комнаты Адама? Или это будут медленно растущие улыбки, а потом поцелуй в коридоре? «Ронан», – говорил этот воображаемый Адам, когда открывал дверь комнаты.

Но вышло по-другому.

Ронан наконец понял, как найти корпус Тэйер, Ронан шагнул среди студентов и туристов, Ронан внезапно услышал:
– Ронан?

Он обернулся и понял, что они разминулись на дорожке. Он прошел мимо Адама.

Глядя на него теперь как следует и стоя на расстоянии вытянутой руки (остальные вынуждены были их обходить), Ронан понял, почему это произошло. Адам был похож на себя и в то же время – нет. Его костлявое лицо не изменилось за те недели, в течение которых они не виделись – он по-прежнему был тем мальчиком с велосипедом. И волосы цвета пыли были такими же, как помнил Ронан – очаровательно и неровно подстриженными, как будто Адам сам орудовал ножницами перед зеркалом в ванной.

Впрочем, исчезли машинное масло, пот и грязь, которые помнил Ронан.

Адам был безупречно одет – рубашка с воротничком, слегка закатанные рукава, классический твидовый жилет, идеальные коричневые брюки, подвернутые чуть выше стильных ботинок. Он держался так же аккуратно и сдержанно, как всегда, но как будто еще более отстраненно и чинно. Адам смотрелся здесь, в Кембридже, абсолютно уместно.

– Я тебя не узнал, – сказали они одновременно.

Ронан подумал, что это смешно. Он-то не изменился. Совершенно не изменился. Не изменился бы, даже если бы хотел.

– Я прошел мимо, – удивленно сказал Адам.

Даже говорил он по-другому. Не осталось ни следа его легкого вирджинского акцента. Адам всеми силами старался избавиться от него в школе, но никак не мог. Теперь акцент полностью пропал. Это был голос незнакомого человека.

Ронан почувствовал себя слегка сбитым с толку. Этому в его грезах не нашлось места.

Адам посмотрел на часы, и Ронан понял, что это ЕГО часы, элегантная штучка, которую он приснил на Рождество. Они показывали правильное время, в какой бы точке мира человек ни находился.

Отчасти опора под ногами вернулась.

Адам сказал:

– Я думал, ты приедешь только через несколько часов. Я думал... видимо, я забыл, как ты водишь. Я думал...

Он смотрел на Ронана как-то непривычно. Лишь через несколько секунд Ронан понял, что Адам смотрел на него точно так же, как он сам смотрел на Адама.

– Блин, ну надо же, – сказал Ронан, и Адам рассмеялся – бурно и с облегчением.

Они крепко обнялись.

Именно так это Ронан и помнил. Ребра Адама касались его ребер точно так же, как раньше. Так же, как раньше, он обвил руками худое тело Адама. Рука Адама лежала у Ронана на затылке – так, как он всегда делал, когда они обнимались. Акцента по-прежнему не доставало, но теперь голос

Адама зазвучал привычно, когда он пробормотал, уткнувшись в Ронана:

– Ты пахнешь домом.

Домом.

И Ронану стало еще спокойнее. Все становилось на свои места. Он был с Адамом, Адам по-прежнему любил его, все будет хорошо.

Они отступили друг от друга на шаг. Адам сказал:

– Хочешь познакомиться с моими друзьями?

Друзья – это для Ронана Линча было серьезно. Он медленно приобретал их и еще медленнее терял. Список был коротким, потому что секреты усложняли любые отношения – и потому что друзья, с точки зрения Ронана, пожирали время. Они забирали его целиком. Ронан думал: нельзя отдать себя полностью слишком многим, иначе ничего не останется. Поэтому был лощеный Ганси, который, может, и не спас жизнь Ронана в школе, но, по крайней мере, держал ее по большей части за пределами досягаемости, не позволяя с легкостью взять ее и сломать. Была Блу Сарджент, девушка карманного размера, дочь ясновидящей, с яростным ощущением правды и неправды; они постигали друг друга медленно, снимая слой за слоем и дойдя до настоящего понимания ровно к окончанию школы. Был Адам – и братья Ронана. И всё. Ронан мог бы завести больше знакомств, но не понимал, зачем.

– Репо! Надо сказать «репо».

– Зачем?

Ронан играл в карты. Игра была запутанная, с кучей правил, замысловатыми условиями и неясным сроком завершения. Он почти не сомневался, что ее придумали студенты Гарварда. Более того, он был почти уверен, что ее придумали студенты Гарварда, которые в эту минуту сидели рядом с ним – Флетчер, Элиот, Джиллиан и Бенджи. Адам тоже сидел рядом, повернувшись к Ронану здоровым ухом (на второе он был глух).

Под столом ботинок Адама крепко вжимался в ногу Ронана.

Элиот объяснил:

– Чтобы известить остальных игроков.

– О чем?

Элиот вздрогнул от его тона, хотя Ронан сомневался, что говорит резче обычного. Возможно, и обычного хватало. Первым, что сказал непринужденный Элиот, когда их познакомили с Ронаном, было: «О, ты даже страшнее, чем я думал».

«Твою мать. И тебя рад видеть», – подумал Ронан.

Игра происходила на столе в подвальной комнате отдыха. Другие студенты играли в бильярд, сидели вокруг телевизоров и ноутбуков, слушали музыку. Пахло чесноком и едой. Кирпичные арки, поддерживавшие потолок, придавали помещению облик то ли винного погреба, то ли катакомб. Все вместе напоминало подпольный клуб.

Джиллиан, у которой галстук был завязан с небывалой

уверенностью и изысканностью, потрясла перед ним картами.

– Ты говоришь «репо», чтобы другие могли оценить цвет и качество твоего набора и, может быть, помешать тебе репнуть последнюю карту, которой не хватает до победы.

Ронан посмотрел на карты, которые уже выложил на стол.

– Мне нужна всего одна?

– Он гений, – сказал Флетчер, чья обширная округлость вмещалась в безвкусный вязаный жилет. Этому парню не доставало сигары; казалось, он вот-вот начнет отступать на черно-белую фотографию, с которой сошел. – Он гений и не понимает этого. Прекрасная девушка, которая не сознает своей красоты. Герой, который не сознает своей силы. Двадцать карт – вот что тебе нужно. Если наберешь двадцать, ты крут, игра окончена. А у тебя, друг мой, девятнадцать.

– Двойной бумеранг, – негромко и с чувством произнес Бенджи.

У него было всего две карты.

– Но другие могут тебе помешать, – объяснила Джиллиан. – Адам, например, мог сбросить пики. Если бы он положил их все в банк, ты не смог бы пополнить свой комплект его картами.

Адам под столом прижался к Ронану всей ногой. Выражение лица у него оставалось неизменным.

Ронану казалось, что игра длится вечно.

– Но если бы Адам сбросил пики, тогда они бы и ему не

помогли, – произнес своим сочным голосом Флетчер. – Теоретически – да, но не практически. Его пики пролежали бы в банке еще десять ходов, и до тех пор он бы не смог их разыграть. На данном этапе кто-нибудь другой выиграл бы, прежде чем Адам снова получил бы пики.

– Тяжело, – сказал Ронан.

– Бедность – это плохо, – задумчиво произнес Флетчер, разглаживая свитер.

– Как показывает опыт, – с сухой иронией заметила Джиллиан.

Ронан взглянул на Адама; Адама, который вырос в трейлере; Адама, который до сих пор носил твидовый жилет, который подарил ему отец Ганси несколько лет назад; Адама, который ни словом не обмолвился про заносчивых учеников частной школы, ради посещения которой он вкалывал на трех работах.

Адам просто прижал карты к груди, чтобы остальные их не видели.

– Блин, ну тогда репо, – сказал Ронан.

Джиллиан положила рядом с его картами джокера.

– Защищаю.

– Благородно, – прошептал Бенджи.

– Напишите это на моей могиле.

В то время как остальные делали ход по кругу, минуя Ронана и Джиллиан из-за ее самоотверженного поступка, Ронан рассматривал гостиную и пытался представить, каково

регулярно проводить здесь время. Он еще не рассказал Адаму про свои дела. Это был не тот разговор, который он хотел заводить в присутствии остальных; они бы не поняли, почему он принял такое решение. С точки зрения посторонних, у Ронана не было причин тянуть с переездом: родители у него умерли, он не работал и не собирался в колледж, а Амбары вполне могли жить сами по себе, пока он не вернулся бы навестить братьев на каникулах.

Для постороннего наблюдателя Ронан Линч был неудачником.

– Эй, Жутик, – сказал Элиот. – Жуткий тип.

– Линч, твой ход, – добавил Адам.

Ронан бросил оценивающий взгляд на стол. Взяв джокера Джиллиан, он добавил еще четыре, которые собрал в ходе игры, и выложил пять одинаковых карт в центре стола.

– Так должно быть, да? – спросил он, забирая червонного короля из комплекта Флетчера и добавляя к собственному комплекту в девятнадцать карт. Вышло ровно двадцать.

– Господи, да, Господи, я тебя ненавижу, – оперным тоном простонал Флетчер.

– Кто ты такой, чтобы приходить на наши земли и забирать наших женщин, – пробормотала Джиллиан.

– Нам не нравится твой парень, Адам, – сказал Бенджи.

Адам улыбнулся тонкой улыбкой, ловко складывая карты в колоду.

– Я забираю победителя, ребята.

– Подожди, – попросила Джиллиан. – Пока ты не ушел, нам надо поговорить с Яньбином.

– Секунду, – сказал Адам Ронану. Наклонившись ближе, он добавил: – Никого не убивай.

Эти слова были просто поводом подышать Ронану в ухо, однако его нервы чудесным образом успокоились.

Ронан остался с друзьями Адама. Он не знал, насколько они близкие друзья. Недостаточно, чтобы упоминать о них в телефонном разговоре чаще, чем о Ганси и Блу, но достаточно, чтобы сыграть с ними раунд в «Репо», прежде чем Ронан мог получить Адама в свое распоряжение. Он этого не ожидал. Агленби была частной школой-пансионом, и Ронан думал, что гарвардские студенты окажутся неприятной версией школьного братства. Но друзья Адама даже отдаленно не напоминали ту публику. Они даже друг друга не напоминали; всё это были отчетливые индивидуальности. А еще они были гораздо более открытыми и ликующе странными, чем любой ученик Агленби. Ронана, который провел большую часть школьных лет, полагая, что все окружающие – богатые придурки, и будучи единственным геем в своей среде, эти открытия отчего-то встревожили.

Не то чтобы он всерьез боялся, что Адам найдет ему замену. Просто теперь он своими глазами увидел, чем Адам МОГ заменить его.

– Так где он нашел тебя в слезах? – проямлил Бенджи. Ронану показалось, что он ослышался.

– Чего?

Элиот спросил:

– Где ты плакал, когда вы познакомились?

Их слова ничего не прояснили. Ронан не мог взять в толк, отчего они сочли его плаксой, точка. В последний раз он плакал, когда вспоминал свою грезу-мать, которую выпотрошили, в то время как волшебный лес, который он обожал, сходным образом развоплощался вокруг нее. Вряд ли Адам рассказал его историю посторонним людям, но сама эта мысль, тем не менее, поселила в груди Ронана неприятный жар. Возможно, Адам соврал насчет того, как они познакомились. Об этом тоже было неприятно думать.

Флетчер как будто читал лицо Ронана; он добродушно похлопал себя по объемистому животу и пророкотал:

– Значит, Адам не всегда коллекционировал плакс. Ты пока в предварительной стадии.

– Может, он не встречается с плаксами, – заметил Элиот.

– Я что-то не въезжаю, – сказал Ронан.

– Мы – Плаксивый клуб, – пояснил Бенджи. – Мы все плакали.

– Адам Пэрриш и Плаксивый клуб, прямо как рок-группа, – сказал Флетчер. – У него нюх на нас. Как у супергероя. Где-то на гарвардском кампусе кто-то сейчас плачет, спрятавшись на лестнице, но Адам найдет его, утешит и пристроит в компанию, чтоб ему было с кем поиграть в карты в пятницу вечером.

Ронан провел несколько напряженных секунд, пытаясь сопоставить необщительного Адама, которого он знал, с этим описанием. Адам, которого он знал, был молчаливым наблюдателем. Коллекционером человеческого опыта. Смотри, но не трогай. Мысль о том, что он может быть каким-то другим – каким Ронан его не знал, – казалась такой же тревожной, как осознание того, что новые друзья Адама не так уж плохи. У Ронана и Адама слишком долго были общие воспоминания; он и забыл, что не всегда бывает именно так. У Адама здесь началась новая жизнь, из забитого существа он превращался в нового человека, каким должен был стать. А Ронан был... Ронаном. По-прежнему прячущимся в холмах Вирджинии. Вылетевшим из школы. Живущим там, где родился. Он держал голову опущенной, чтобы уцелеть. Его воспоминания не менялись месяцами.

Адам становился другим. Ронан не мог.

Он подумал, что переедет сюда. И всё получится.

Ронан прорычал:

– Да, он всегда был прямо как мать Тереза.

– Говорят, противоположности притягиваются, – сказал Элиот.

Они сфотографировали победный комплект Ронана и принялись кому-то отсылать фотку.

– Точно, – сказал Ронан. – Он спасает людей, а я отнимаю у них деньги на завтрак.

Бенджи перестал собирать карты и вместо этого задумчи-

во обозревал стопку. Своим негромким голосом он произнес:

– Завидую ему. Вот бы у меня были такие предки.

Элиот перестал печатать.

– Да. Познакомить бы моего папу с его отцом. Ненавижу своего старика.

Шок, стоп-кадр, остановите поезд.

– У него такие потрясающие семейные истории, – важно произнес Флетчер. – Совсем как Марк Твен, только без расизма. Его слова – подливка к мясному пудингу.

Некогда Ронан Линч врезал отцу Адама Пэрриша во дворе перед трейлером, где Пэрриши жили. Ронан Линч был там, когда отец Адама Пэрриша навсегда лишил его левое ухо возможности слышать. Ронан Линч помог перевезти вещи Адама Пэрриша в поганую съемную комнатку, чтобы тот наконец мог уйти от родителей.

Ронану казалось, что он озирается во сне. Все было слегка не так.

Он по-прежнему разглядывал Плаксивый клуб, когда Адам вернулся.

– Ну, ты готов?

– Приятно было познакомиться, Ронан Линч, – сказал Флетчер, протянув руку через стол.

Ронан помедлил, все еще выбитый из равновесия. Потом он слегка пихнул руку Флетчера вбок и стукнулся с ним костяшками.

– Типа того.

– Чувствуй себя как дома, – сказал Элиот.

– Пока-пока, – добавил Бенджи.

– Катись, блин, – добродушно сказала Джиллиан.

Отходя, Ронан услышал, как Флетчер произнес:

– Классный чувак.

За дверью Адам потянулся и взял Ронана за руку. Они поднялись по лестнице; Ронан выпутал пальцы и обнял Адама, так что приходилось идти бедро к бедру. Они вошли в комнату Адама – и не сделали ни шага дальше. В темноте они несколько минут обвивались друг вокруг друга и отступили, только когда искололи щетиной губы.

– Я по тебе скучал, – сказал приглушенным голосом Адам, утыкаясь лицом в шею Ронана.

Ронан долго не отвечал. Это было слишком идеально, и ему не хотелось портить такую минуту. Постель была прямо здесь, Адам казался теплым и знакомым, он скучал по нему, даже когда держал его в объятиях.

Но потом Ронан спросил:

– Зачем ты им соврал?

Трудно было понять, как Адам отреагировал, потому что он молчал и не двигался, но Ронан, тем не менее, это почувствовал.

– Плаксивый клуб, – добавил он. – И не говори, что ты ничего не делал.

Адам отступил. Даже в темноте Ронан понял, что лицо

у него стало таким, как раньше. Настороженным.

– В целом, я не врал.

– Да ладно. Они думают, что твой отец... блин, язык не поворачивается так его назвать... что он прямо святой.

Адам молча удержал его взгляд.

– Адам, что за хрень? – спросил Ронан. – Ты сидишь за столом с кучкой богатеньких ребят, играешь в карты, шутишь про бедность и притворяешься, что дома у тебя прямо южная идиллия?

Он помнил всё, как будто это произошло вчера. Нет, несколько минут назад. Нет, как будто это происходило до сих пор и не кончалось, неизменно свежее в ужасном, необыкновенно ясном воспоминании: Адам, стоящий на четвереньках перед трейлером, шатающийся, ошеломленный, сломленный, и его странная тень, пересекающая полосу света с крыльца. А над ним – отец, который пытается убедить Адама, что он сам виноват, всегда виноват сам. В ту минуту Ронан наполнился кипящей, рвущейся на волю, неумолимой яростью. А теперь ему стало тошно.

– Разве это так плохо? – спросил Адам. – Разве так плохо начать сначала? Никто здесь меня не знает. Я не обязан быть парнем из трейлера или парнем, которого бьет отец. Никто не обязан меня жалеть или осуждать. Я могу просто быть собой.

– Блин, бред какой-то.

Когда глаза Ронана привыкли к темноте, он отчетливо

увидел профиль Адама на фоне тускло-синего кембриджского вечера за окном. Нахмуренные брови, сжатые губы. Выражение боли. Прежний Адам. Адам до выпускного, до лета. Абсолютно и прискорбно узнаваемый, в отличие от того изящно причесанного типа на дорожке.

– Ты не поймешь.

Это было слишком; Адам не обладал исключительным правом на страдания. Ронан прорычал:

– Ага, тогда я начну говорить людям, что мои родители еще живы. Не хочу, чтобы отныне меня считали сиротой.

– Я так и понял. У тебя есть братья. А у меня нет никого, – сказал Адам. – Лучше не лезь, потому что ты и понятия не имеешь.

Голос у него сорвался на «потому что».

И тогда ссора закончилась. Впрочем, они и так никогда не ссорились. Для Адама это всегда было стычкой между Адамом и самим собой, между Адамом и миром. Для Ронана это всегда было стычкой между правдой и компромиссом, между черно-белой картиной, которую видел он, и той реальностью, которую ощущали остальные.

Они снова сплелись и постояли так, закрыв глаза. Ронан коснулся губами глухого уха Адама и снова возненавидел отца Адама, а затем сказал вслух:

– Я буду искать квартиру. Завтра.

На долю секунды он испугался, что Адаму больше не нужен Ронан, способный приехать и остаться с ним в Кембри-

дже, но тут Адам сказал:

– Не говори этого. Не бросайся словами просто так. Я не могу...

– Я не бросаюсь. Диклан здесь. И Мэтью. Мы прокатились вместе. Мне пришлось просидеть в машине восемь часов. Завтра я буду встречаться с хозяевами. Смотреть квартиры. Выбирать. Можешь пойти со мной, если у тебя нет здесь других дел. Все решено.

Адам вновь отстранился, и выражение лица у него вновь изменилось. Это был не прежний Адам и не новый, лощеный. Это был Адам, который провел прошлый год в Амбарах, непростой Адам, который не пытался скрыть или примирить запутанные истины в своей душе. Который просто БЫЛ.

– Но как?

– Я могу себя контролировать.

– Правда?

– Я постоянно ночую у Диклана.

Ронан толком там не спал, но теоретически он не солгал.

– А твое лицо? Ночная грязь. Как тут быть?

– Я буду каждые выходные уезжать из города. Найду какое-нибудь безопасное место.

Адам продолжал:

– А как насчет... – но больше ничего не добавил.

Он нахмурился сильнее, чем во время всего разговора, так что губы у него совсем сжались от волнения.

– А зачем тебе мое лицо?

– Я его слишком сильно хочу, – сказал Адам.

Ронан подумал, что этой фразы достаточно, чтобы развеять все неприятные ощущения, которые возникли у него во время общения с гарвардскими друзьями Адама, все неприятные ощущения при мысли о том, что он выглядит полным неудачником, что он застрял на одном месте, все, все неприятные ощущения. Адам Пэрриш хотел его, а он хотел Адама Пэрриша.

– Все получится, – сказал Ронан. – Получится.

Казалось, апокалипсис продолжался.

Кармен Фарух-Лейн стояла в одном из адски забитых терминалов аэропорта Хитроу, запрокинув голову, чтобы посмотреть на объявления о вылете. Люди двигались вокруг нее рывками, как всегда бывает в аэропортах и на вокзалах – их перемещения представляли собой, скорее, поток сознания, чем логику. Большинство людей не думали об аэропорте, они думали о том, чтобы выжить. Режим подсознания. Они становились чистейшими, ничем не замутненными версиями себя. Перепуганные, блуждающие, невнятные. Но Фарух-Лейн они нравились. Ей нравились расписания, системы, вещи, лежащие на местах, мероприятия со специальными ритуалами, игры, где все делают ход по очереди. До появления Модераторов аэропорты ассоциировались с приятным трепетом осуществляющихся планов. Новых мест, которые предстояло увидеть. Новых блюд, которые предстояло попробовать, новых людей, с которыми предстояло познакомиться.

Фарух-Лейн хорошо ориентировалась в аэропортах.

Теперь она представляла собой воплощенное профессиональное очарование, пока ждала, стоя в рассеянном свете, в светлом льняном костюме, с маленьким дорогим чемоданчиком без единого пятнышка, с длинными темными волоса-

ми, собранными в мягкую прическу, с необыкновенно пушистыми ресницами, затенявшими карие глаза. Сапожки у нее были новые – она купила их в магазине в аэропорту и выбросила испачканную кровью пару в дамском туалете. Она выглядела безупречно.

Впрочем, внутри ее маленькая Фарух-Лейн вопила и билась о двери.

Натан умер.

Натан умер.

Это из-за нее его убили.

Разумеется, Модераторы не сказали, что хотят его убить, но она знала, что для людей вроде Натана не существует тюрьмы. Единственный способ ограничить Зета – не позволять ему спать. Не позволять видеть сны. Разумеется, это невозможно.

«Я ожидал от тебя большей сложности, Кармен».

Ее брат заслужил смертный приговор, и не единожды. И все-таки. Она оплакивала память о том, кем она его считала, пока не выяснила, что он сделал. Глупое сердце, подумала она. Разум гораздо надежнее.

Если бы только это предотвратило апокалипсис.

На табло появился берлинский рейс; следующим должен был появиться нужный – в Чикаго. Там было утро, здесь – глухая ночь. Десять часов полета – и она войдет в свой небольшой домик, с покупками в руках и сумочкой на плече, укрепляясь духом перед непростой задачей – вписаться

в прежнюю жизнь. Там, где есть привычная постель, дневная работа, друзья и оставшиеся родственники. Она сделала то, что обещала Модераторам – и теперь заслужила свободу.

Но как управлять финансовым будущим клиентов, если она знает, что, возможно, будущего не будет? Как вернуться к прежней жизни, если она уже не та Кармен Фарух-Лейн?

Стоявший рядом мужчина шумно чихнул. И тщетно стал рыться в карманах в поисках платка. Фарух-Лейн использовала их немало и только что пополнила запас в преддверии очередного непростого дня. Она достала платочек из сумочки; мужчина с благодарностью его принял. Он, кажется, собирался завязать разговор, но тут у нее зазвонил телефон, и она отвернулась, чтобы ответить.

– Ты еще в терминале? – спросил Лок.

– Скоро посадка, – ответила Фарух-Лейн.

– Едешь домой.

Фарух-Лейн промолчала.

– Слушай, – пророкотал он, – я скажу прямо. Я знаю, ты сделала то, что мы просили, знаю, что ты закончила, но у тебя это получается здорово. Как ни у кого.

– Не уверена.

– Ничего ломать не придется. Только искать. Люди вроде тебя – это важно. Ты нам нужна. Может, выручишь нас еще разок?

Еще разок. Неужели? И какая разница? Похоже, отчасти она надеялась или предвкушала, что он попросит, – Фа-

рух-Лейн услышала, как сказала «да», прежде чем успела по-настоящему задуматься. Снова сердце вошло в диссонанс с головой. Она хотела поставить точку, но просто не могла – пока мир не был спасен.

– Я надеялся, что ты это скажешь, – продолжал Лок. – Николенко здесь, с посылкой для тебя и билетами на рейс. Встретитесь возле «Косты».

В ту самую секунду, когда информация о рейсе в Чикаго появилась на табло, Фарух-Лейн повернулась спиной и зашагала через толпу. Она нашла Николенко, невысокую женщину с каменным лицом и короткими волосами каменного цвета. Рядом с Николенко стоял угловатый юноша в футболке, пиджаке и маленьких круглых очках. Он был необыкновенно высок и необыкновенно сутул. Локти, колени и кадык так и выпирали. Светлые волосы, длиной до плеч были заправлены за уши. Он походил на молодого гробовщика, ну или на его клиента, учитывая скелетообразность.

Николенко протянула ему деньги.

– Иди купи кофе.

Он взглянул на них с таким видом, как будто вовсе не хотел кофе, но люди всегда выполняли распоряжения Николенко, поэтому молодой человек зашаркал прочь.

Николенко протянула Фарух-Лейн конверт.

– Вот билет и адрес того места, где будешь жить.

– Лок сказал, что мне должны передать посылку.

– Это он, – ответила Николенко, подбородком указав на

стоящего в очереди парня.

Фарух-Лейн не поняла.

– Он – Провидец, – сказала Николенко. – Он едет с тобой.
О!

Именно благодаря Провидцам они знали, что миру грозит конец. Этот парень был последним пополнением, вторым Провидцем, с которым довелось работать Модераторам с тех пор, как Фарух-Лейн к ним присоединилась. Каждого Провидца посещали необыкновенно яркие и подробные видения, в частности касавшиеся Зетов и других Провидцев.

А также конца света.

Все Провидцы описывали его одинаково. Жадный, неутолимый огонь. Огонь, пришедший из сна. Фарух-Лейн не знала в точности, как долго Модераторы искали Зета, который приснит этот огонь, но ей было известно, что в какой-то момент тихонько возникла межправительственная организация. Модераторы собрались со всех концов света. Одних убедили предсказания очередного Провидца. Других – личное знакомство с каким-нибудь Зетом и его способностями. А кое-кого – желание доказать другим Модераторам, что она не замешана в преступлениях брата.

Натан до сих пор был лучшей зацепкой. Ему очень хотелось увидеть, как мир сгорит.

Но его смерть не положила конец огненным видениям.

Фарух-Лейн окинула взглядом Провидца, который подавал деньги кассиру.

– Мы полетим на обычном самолете? – спросила она у Николенко. – Это безопасно?

– Он уже несколько месяцев под контролем.

Фарух-Лейн не могла определить чувство, которое у нее возникло, но оно было не из приятных.

– А я и не знала, что мне предстоит опекать подростка, – произнесла она.

Она даже не знала, что конкретно этот Провидец – подросток, она видела только описания видений. Фарух-Лейн не имела особых материнских чувств. Она искренне полагала, что до двадцати лет жизнь дерьмо, и предпочла забыть всё, что предшествовало этому возрасту.

– С ним не так трудно справиться, – уверила ее Николенко. – Он делает, что скажешь.

Фарух-Лейн не полегчало.

– Почему он летит со мной? Раньше мне хватало описаний.

– Он скоро закончится. Уже начинает рассыпаться. Так тебе будет проще добывать из него видения.

«Скоро закончится?» Фарух-Лейн мало что знала о продолжительности жизни Провидцев, но ей было известно, что ее финал – не то, за чем приятно наблюдать.

– Я...

– Слушай, принцесса, – перебила Николенко, – твоя задача – самая простая. Отвези парня туда и найди Зета, которого он видит. Заодно поищи другого Провидца, на смену. По-

звони нам, когда что-нибудь найдешь. Тогда старшие прилетят и обо всем позаботятся. Тебе не придется снова пачкать туфли.

Фарух-Лейн не стыдилась того, что не желает убивать. Они с Николенко яростно смотрели друг на друга, пока Провидец не вернулся с кофе.

– Я не буду это пить, – предупредил он.

Говорил он с акцентом. Возможно, немецким.

– Хотите?

Николенко без колебаний взяла у него стаканчик и одним плавным движением выплеснула кофе в мусорный бак.

– Всё. Свяжись с Локом, когда доберешься, Фарух-Лейн.

Не сказав больше ни слова, она ушла. Провидец посмотрел на мусорный бак, где встретил смерть его кофе, а потом на Фарух-Лейн.

Фарух-Лейн протянула руку новому подопечному.

– Кармен Фарух-Лейн.

Он пожал ей руку и старательно повторил ее имя, а потом представился новому опекуну:

– Парцифаль Бауэр.

Когда она открыла конверт, прямо в руки ей выскользнули два билета, радуясь свободе.

– Кажется, нам предстоит провести много времени вместе... в Вашингтоне.

Неплохое место, чтобы спасти мир. Не хуже любого другого.

Голос вернулся.

«Ты гадаешь, что тут настоящее.

Тебе нужны доказательства того, что это не какая-то подсознательная фигня.

Ты сомневаешься в реальности того, что видишь? Послушай: ты засыпаешь, тебе снятся перья, ты просыпаешься с вороном в руках – и еще спрашиваешь, реально ли это?»

Ронану снился голос Брайда, а еще ему снился Линденмер.

Линденмер, Линденмер.

Это было название из ненаписанного стихотворения. Оно не казалось опасным.

Линденмер, Линденмер. Это был лес или, скорее, нечто, в настоящее время имевшее форму леса. Ронан понимал, что оно очень долго существовало где-то в другом месте и лишь недавно потихоньку проложило себе путь в наш мир, на сей раз – в виде леса. Оно знало Ронана, он знал его – насколько их обоих, полных загадок, даже для самих себя, можно было познать.

Ронан любил Линденмер, а тот Ронана.

Бредя среди деревьев, он слышал где-то за ними голос Брайда. Возможно, Брайд был одним из огромных скрючен-

ных дубов. Или маленькой мошкой, летавшей над головой. Или цветами, которые огибали упавшие веточки. Или он существовал только в подсознании Ронана.

– Линденмер, – сказал Ронан вслух. – Кто такой Брайд? Он настоящий?

Листья зашелестели. Получилось: «Ты знаешь».

Сквозь их шепот голос Брайда продолжал:

«Ты больше этого, больше вопроса «настоящее оно или нет». Ты вырос среди волков и забыл, что у тебя есть руки. «Настоящее» – это слово, придуманное для других. Выкинь его из своего словаря. Не хочу снова слышать, как ты его произносишь. Если ты видишь вымысел и просыпаешься с ним в руках, он становится фактом.

Понимаешь? Для тебя реальность – не внешнее условие. Для тебя реальность – это решение.

Но ты по-прежнему тоскуешь о реальности в том смысле, какой она имеет для всех остальных, даже если из-за этого твой мир становится меньше. Быть может, именно потому, что от этого твой мир становится меньше».

Ронан поднялся на поросший мхом пригорок. Свет здесь был мерцающим, насыщенным, золотистым, осязаемым. Он пропустил его сквозь пальцы, и свет пристал к коже – одновременно зрелище и ощущение. Ронан повторил:

– Я бы не спрашивал, если бы знал.

Деревья вновь пробормотали: «Сновидец».

Еще один сновидец? Здесь? Крошечное облачко светя-

щихя мошек разделилось и окружило Ронана, который шагал, осматривая густой подлесок в поисках еще одного человека. Он знал, что сновидец может встретиться с ним в мире снов, но до сих пор это случилось лишь однажды. И тот, другой сновидец знал Ронана в реальном мире, прежде чем нашел его в ином.

К тому же теперь он был мертв.

Больше никто не знал, что Ронан сновидец.

И не должен был знать.

– Я тебе не верю, – сказал Ронан. – У меня вообще проблемы с доверием.

«Есть такая игра, в которую дети играют на асфальте. Называется «улитка». Рисуют мелком спираль на земле – это раковина улитки – потом делят ее на уменьшающиеся квадратики. Потом бросают камушек – туда, где он лежит, наступать нельзя. Потом прыгают на одной ноге по сужающейся спирали, стараясь не наступить в квадратик с камушком. Как ты понимаешь, чем больше камушков, тем труднее. И чем туже закручивается спираль. Цель – добраться до середины, не упав.

Вот во что мы с тобой сыграем».

– А может, я не хочу играть, – сказал Ронан.

Сонная прогулка, во время которой он прошел одновременно много и мало, привела его на поляну, которую пересекал глубокий черный ручей. Лежавшая на воде доска служила мостиком, а на ней стоял старинного вида мотоцикл,

который гудел и был полон жизни. Позади него тонким дрожащим облачком висел выхлоп.

Адам часто говорил, что сменил бы свою машину на мотоцикл, если бы мог. Ронан подумал: «Эта штука бы ему понравилась». Мотоцикл и в самом деле немного напоминал Адама. Изящный, шероховатый, полный готовности.

Когда Ронан ступил на зависший над водой мостик, доска задрожала, но устояла. Ручей внизу представлял собой, скорее, эмоциональный факт, нежели физический – вода в нем была, но не мокрая, во всяком случае пока Ронан не обратил на нее внимания. Как всегда во сне.

Ронан положил руку на прохладное кожаное сиденье мотоцикла. С краю уже было вышито имя Адама. Ронан провел пальцами по вдавленному созвездию вышивки. Она казалась абсолютно настоящей.

«Каждый квадратик – испытание.

А в середине буду ждать я.

Первый квадратик...»

– Я не знаю, ты настоящий или плод моего воображения, – сказал Ронан. – Но я пытаюсь понять.

«Давай сначала разберемся с этим. Наглядный урок по части того, что реально, а что нет. Я занимаюсь сложением в уме, а ты хочешь, чтобы я показал черновик. Хорошо.

Первый квадратик: что такое реальность.

Первый квадратик: спроси у своего брата про Волшебный базар.

Первый квадратик: они будут шептать мое имя».

Ронан выкатил мотоцикл на берег, и плавучий мостик у него за спиной приподнялся на несколько дюймов. Тогда Ронан внезапно понял, что это не черная вода, а живые существа.

Они так и кишели.

— Блин, — сказал он.

«Прыгай, скачи, брось камушек, следующий квадратик.

Увидимся на той стороне».

Ронан проснулся.

Было утро.

До Ронана доносились типичные утренние звуки. Гудение электробритвы в дальнем конце коридора, музыка в другой комнате, шаркающие туда-сюда по старой лестнице ноги. Снаружи звучали астматические пневмомашины, гулко хлопали дверцы автомобилей, болтали студенты, ворчали грузовики, раздраженно вскрикивали гудки.

Он провел ночь в Кембридже.

Ронан смотрел на себя сверху.

Как будто был ангелом, созерцающим собственное тело. Духом. Призраком минувшего Рождества. В общем, тем, что витает над тобой и смотрит, как ты спишь. Мысли Ронана Линча смотрели на тело Ронана Линча.

Внизу он видел молодого человека на узкой общажной кровати, неподвижного, но тем не менее выглядевшего абсолютно готовым к бою. Две складки между бровей складывались в универсальный символ, гласивший: «Я тебя нагну». Открытые глаза смотрели в никуда. Адам уместился между ним и стеной, самозабвенно раскрыв рот. Волосы у него разметались по подушке.

Оба были полностью покрыты чудовищами.

На их телах кишели необыкновенные существа, которые с первого взгляда походили на помесь краба и подковы. Ес-

ли посмотреть повнимательнее, становилось ясно, что вместо панцирей у них театральные маски, а на спине – жадно открывающиеся маленькие рты. Каждый рот был полон ровных, как у коровы, зубов.

Крабы выглядели неправильно и кошмарно, потому они и были неправильны и кошмарны. Их не существовало, пока Ронан не проснулся. Эти твари существовали только потому, что Ронан проснулся.

Вот что значило быть Ронаном Линчем.

Из сна – в реальность.

Они шуршали и медленно двигались, комкая простыни своими маленькими твердыми ножками.

Адам не шевелился, потому что уткнулся здоровым ухом в подушку, а его постоянно измученное тело отдалось сну.

Ронан не мог двигаться. Его всегда как будто парализовывало на несколько минут, когда он успешно приносил что-то из сна. Он словно менял несколько минут бодрствования и потенциала во сне на несколько минут полной бесполезности. Ускорить процесс было нельзя, какими бы угрожающими ни оказывались обстоятельства, когда он просыпался. Ронан мог только вот так парить вне собственного тела и наблюдать, как сны делали что хотели, не боясь его вмешательства.

«Адам», – подумал он, но не сумел сказать.

Щелк, щелк. Чудовищные крабы рты издавали влажный звук, когда открывались и закрывались, именно так, как в ту

минуту, когда он увидел их во сне, под мостом. То, что он приносил из сна, не меняло повадок в реальности. Если сны нарушали законы физики (вроде доски, парившей над землей), они продолжали нарушать их, оказавшись в реальном мире. Если ему снилось отвлеченное понятие, которое обрело плоть (вроде песни, которую можно было взять в руки), это необыкновенное, мозговыносящее качество сохранялось и после пробуждения.

Если это были крабы-убийцы, которые хотели сожрать его во сне, они и в реальности стремились к тому же.

Щелк, щелк.

Ронан попытался пошевелить пальцами ног. Не получилось. Все, что он мог – витать над своим телом и ждать. К счастью, маски-рты у крабов находились на спине, поэтому пока что Ронан и Адам были в безопасности.

Пока что.

«Адам».

Он мысленно просил Адама проснуться.

Несколько крабов со стуком свалились с кровати, и их маленькие ножки застучали по полу. Звук был неприятный, в точности соответствующий их внешности. Щелк, щелк, клац, клац.

Блин. Теперь Ронан увидел, что притащил с собой не только крабов. Воздушный мостик, похожий на самодельный скейт, завис прямо над кроватью. А изящный маленький мотоцикл стоял посреди комнаты. Он продолжал работать,

и за ним клубилось облачко выхлопа.

Ронан принес с собой всё, что видел.

Почему он так облажался?

Щелк, щелк.

Тот, другой сновидец – Брайд – вывел его из игры.

Другой сновидец. Другой СНОВИДЕЦ. Ронан чуть не за-
был. Вроде бы невозможно забыть нечто столь важное, но
так действовали сны. Даже лучшие и худшие из них могли
немедленно улетучиться из памяти. И теперь всё вновь на
него нахлынуло.

Ронан нуждался в другом сновидце ничуть не больше, чем
в тонне проклятых крабов-убийц в собственной постели.

Единственным плюсом было то, что вторая кровать пока
пустовала. Ронан не знал, договорился ли Адам с соседом
по комнате, чтобы тот переночевал в другом месте, или им
просто повезло, но Ронан был за это благодарен. Ему недо-
ставало только способности двигаться.

Один из крабов-убийц засеменил по телу Адама, направ-
ляясь к его глухому уху.

«Проснись, Адам, проснись».

У Ронана возникла жуткая мысль, что крабы успели убить
Адама, поэтому он и не просыпается. Потому что он уже
мертв и остывает, убитый снами Ронана, пока тот беспомощ-
но парит над кроватью...

Краб-убийца залез на лицо Ронану – каждая хрусткая
ножка неприятно давила на кожу. Внезапно он увидел краба

из своего физического тела, а не сверху, то есть к нему возвращался контроль. На брюшке у краба красовался штрихкод, выше маленькими буквами было написано «Ореховая смесь 1411», а ниже находились моргающие синие глаза с очень густыми ресницами. 1411 – это была дата его рождения, и она приближалась, серьезное девятнадцатилетие, но Бог весть что значило все остальное. Подсознание Ронана Линча представляло собой джунгли.

Второй краб столкнулся с первым и перевернул этот кошмар на спину. Ртом вниз. Рядом с глазом Ронана.

Блинский блин.

На мгновение он живо представил себе следующие несколько минут: краб выедает ему глаз, а он, не в силах кричать или хотя бы скулить, молча теряет половину зрения, в то время как Адам лежит рядом с ним, спящий или мертвый.

Но тут он снова обрел подвижность, тело подчинилось ему.

Сбросив одеяло, Ронан сшиб как можно больше крабов с себя и с Адама. Маленькие кошмары бежали и скатывались с кровати. Некоторые падали на висящую в воздухе доску. По инерции доска полетела по комнате – воздушное крабовое такси – врезалась в стенку, и они все рассыпались.

– О боже, – сказал Адам.

Он спал, а не умер, и теперь его лицо отражало правду: он проснулся в аду, полном ракообразных соседей по комнате.

– Боже мой, Ронан, боже. Что ты сделал?

– Сейчас все улажу, – сказал Ронан, выбираясь из постели. Шмяк.

Ища какое-нибудь оружие, он увидел, как Адам ударом учебника по биологии расшиб одного краба об стенку. У того вылезли внутренности – желтая масса, как у раздавленной гусеницы.

Остальные твари засуетились.

– Улаживай быстрее, – велел Адам.

Парящая в воздухе доска подплыла ближе, и Ронан вспрыгнул на нее. Инерция отбросила его в угол спальни, и он стукнулся о стену, но тут же обрел равновесие. Оттолкнувшись от стены, он отлетел в противоположный угол, где стоял флаг. Ронан высоко воздел его, как какой-нибудь храбрый ирландский герой.

Шмяк. Адам прибил еще одного краба, потом третьего.

Ронан проткнул краба своим импровизированным копьем. Прямо сквозь штрих-код.

– Получайте, гады.

Еще один краб приземлился ему на руку; он швырнул его об стену, а потом так же быстро проткнул. Другой плюхнулся на спину – Ронан пробил штрих-код и этому. Бум, бум, шелк. Снова слизь. Шмяк, шмяк. Адам убивал тех, что ползали по постели. Что-то жуткое, но несомненно приятное в этом было.

В дверь постучали.

Бог весть как долго это продолжалось. Только теперь, ко-

гда все крабы были убиты, стало достаточно тихо, чтобы услышать стук.

Адам в ужасе взглянул на Ронана.

– Постель, – прошипел тот. – Застели ее пока.

Стук продолжался.

– Секунду! – крикнул Адам.

Они вдвоем лихорадочно запихнули кучку раздавленных крабов под одеяло. Ронан сунул доску под кровать, где она плотно прижалась к днищу, желая лететь.

Адам подошел к двери. Едва дыша, приоткрыл.

– Что?

– Адам Пэрриш, – произнес сочный голос Флетчера, – что, блин, у вас творится? Уже вызвали инспектора.

– Флетчер, слушай, я... – начал Адам.

Флетчер распахнул дверь.

Он воздвигся на пороге во всю свою величественную ширь, с учебниками под мышкой, с прилизанными волосами.

Комната представляла собой захватывающий образчик современной живописи – смелый текстурный эксперимент с оторванными крабьими ногами, яркими полужидкими внутренностями и некоторым количеством крови. Вдобавок уже начало пахнуть выхлопом.

Флетчер обвел все это глазами. Его взгляд упал на импровизированное копьё Ронана.

– Мой флаг, – сказал Флетчер.

Адам поспешно захлопнул дверь.

– Стены, – продолжал Флетчер.

От крабьих внутренностей на них облезла краска, а летающая доска оставила несколько крупных вмятин.

– Кровати.

Постельное белье было порвано и испачкано.

– Окно.

Одно из стекол почему-то оказалось разбито.

– Мотоцикл, – закончил Флетчер.

До Ронана дошло, что тот, возможно, убьет его прямо сейчас, если этого раньше не сделает Адам. Он выключил мотоцикл. Понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, как, потому что ключа не было, но в конце концов Ронан нашел рычажок с надписью «да/нет».

Ничего совсем уж сверхъестественного в этой картине не было – если не знать про крабов под одеялом и летающую доску под кроватью.

Всего лишь несколько тысяч долларов ущерба, причиненного университетскому общежитию, давящее чувство вины и спешащий на шум инспектор.

Адам сказал:

– Помоги мне.

Пусть даже Брек Миртл, теоретически, был заводилой во всем этом деле, разбить окно он велел Джеффу Пикку. Таким образом, Пик вломился в дом первым. Глупо, но Миртлу стало не так совестно участвовать.

Взлом не был его обычным методом. Этим, как правило, занимались родичи Миртла – взлом и проникновение, выписывание поддельных чеков, кража сумочек из незапертых машин. Мать научила их разным видам мелких правонарушений. Не как в школе. Скорее, собственным примером. Теперь она работала в «Уолмарте» – приветствовала покупателей у входа – и намекала, что ее отпрыскам пора заняться чем-то легальным, но Миртл решил, что он выше этого. Он покупал произведения искусства в одном магазине в Тахома-Парк, а также на eBay. Вариант онлайн работал лучше всего, поскольку люди больше доверяли ему, когда не видели. У всех Миртлов были длинные лица с крохотными глазами, и даже в наилучшем расположении духа они выглядели, как существа, способные выползти из темноты и сожрать труп-другой. Но внешность не играла роли, когда он продавал произведения искусства онлайн; речь тогда шла не о нем, а о деле. По большей части предметы были настоящие, а иногда – подделки. Совесть его не мучила – трудно было назвать это преступлением. Люди принимали подделки за оригина-

лы только потому, что сами того хотели. То есть он всего лишь продавал им то, что они хотели.

Он не был грабителем.

Но на сей раз сделал исключение для Хеннесси. Она ведь была преступницей. Воровать у преступника – все равно что умножать отрицательные числа. В конце концов получится плюс.

Дом, в который они только что влезли, занимал площадь примерно в двадцать тысяч квадратных футов. Если ты сам не живешь в доме площадью в двадцать тысяч квадратных футов, трудно уложить этот масштаб в голове. Дом размером с сотню парковок, или примерно в половину футбольного поля, или вдвое больше среднего американского торгового центра, выстроенного позже восьмидесятых годов. В особняке было восемь спален, десять ванных, один балый зал, бассейн, фонтан со статуями русалок, кинозал, библиотека, полная книг, сплошь с белыми корешками, и кухня с двумя плитами. Прихожая, размером с типовую нью-йоркскую квартиру, была совершенно пуста, не считая люстры, достаточно большой, чтобы жить своей жизнью, и двух широких лестниц, ведущих на второй этаж – просто на тот случай, если вы хотели подняться по одной, а спуститься по другой. Позолота покрывала всё, что в норме не ожидаешь увидеть позолоченным. На отделку полов пошли мрамор (из какого-то знаменитого места) и дерево (тех пород, которые ныне находились под угрозой).

Трудно было сказать, как давно Хеннеси обитала здесь. Такого рода жилища, принадлежащие саудовским инвесторам, принцам и так далее, могут пустовать годами.

Они – Миртл, Пик и еще один Джефф, Джефф Робинсон – зашли через стеклянную стенку бассейна. Пик, который, судя по всему, хорошо владел искусством взлома и проникновения, принес огромную самоклеящуюся оконную рекламу, в которой речь шла о бензопилах. Он прилепил ее на одно из огромных стекол и стукнул. Звук был примечателен в своей непримечательности – просто глухой песчаный стук, ничего, что намекало бы на вторжение в дом.

– Видишь, – прошептал Пик, отдирая рекламу, теперь со стеклянной корочкой. – Я же сказал – никакой сигнализации. Хеннеси не станет вызывать полицию.

Они подвели итог в комнате, которая выглядела как роскошная гостиная. Стеклянные двери выходили в вымощенный камнем дворик, где стояла бронзовая женщина, выпускавшая стрелу прямо в небо. Вот что находилось в гостиной: изящная стеганая кушетка, два стула, повернутые к резному камину, бесценный персидский ковер, несколько абстрактных картин, трехметровая шеффлера в горшке и ослепительно-желтый «Лексус», припаркованный наискосок, как будто он заехал со двора, чтобы погреться. На капоте лежала тарелка с остывшим ломтиком пиццы; в сыре тонула сигарета. Эти последние три предмета наполняли комнату запахом выхлопа, дыма и соуса маринара.

Но настоящим центром композиции была идеальная копия сарджентовского «Портрета мадам Икс», стоявшая на массивном мольберте. Черно-белый мраморный пол под ним, забрызганный краской, представлял собой вселенную цветных созвездий. Это был гвоздь программы. Женщина на портрете, ростом почти с Миртла, изящно стояла, подобрав одной рукой складки черного атласного платья. Волосы у нее были медно-рыжие, кожа бледная до синевы. В правом нижнем углу стояла подпись: ДЖОН С. САРДЖЕНТ 1884.

Картина была идеальна, не считая пулевых отверстий над изящной бровью и зарумянившимся ухом.

– Во шиза, – сказал Пик.

Миртл слышал о Хеннесси и до вечеринки у Ти-Джея Шармы. Она, по слухам, была лучшим фальсификатором на Восточном побережье. Для посредственных копий слишком дорого – но, как свидетельствовал безупречный дубликат «Мадам Икс», Хеннесси была именно тем человеком, который нужен, если вы хотите продать поддельный шедевр наивному богатенькому иностранцу, обставляющему свой новый особняк. И вот она – ОНА (к черту предубеждения) – появилась на вечеринке у Шармы. Мир тесен. Очевидно, слух о том, что приедет Фейнман, заставил ее выйти из склепа и показаться среди простых смертных. Миртл удивился, когда Фейнман отклонила просьбу Хеннесси провести ее на Волшебный базар; Хеннесси, несомненно, обладала для этого всеми данными. В конце концов, даже он получил пригла-

шение – он, простой дилер.

Оказалось нетрудно проследить за ней до дома и провести разведку. Он без проблем получит хорошую цену за ее подделки там, куда Хеннесси не пустили.

Когда жизнь предлагает тебе лимоны, благоразумный человек сделает лимонад.

– Давайте поделимся, – понизив голос, сказал Миртл. – Поищем что-нибудь подороже.

– Электронику? – уточнил Пик.

Вот что бывает, когда общаешься с преступниками.

– Если хочешь. Встретимся у бассейна.

Робинсон заглянул в «Лексус». И спросил:

– А если появится Хеннесси?

– Машина отъехала сегодня утром, – сказал Миртл. – И Хеннесси сидела в ней.

Пик достал из той же сумки, в которой принес рекламную наклейку, полиэтиленовый пакет, полный пластиковых стяжек.

– А если тут кто-нибудь есть, просто свяжем его.

И Миртл вновь поразился его криминальным навыкам.

– Ладно. Ладно. Полицию они не вызовут, так что пусть просто молчат.

Они разделились.

Все комнаты были полны картин. Миртл не мог определить, оригиналы это или копии. Некоторые он узнавал – Мондриан, Уотерхаус, Рюйш, Хокни, Сэндис, Стенхоуп.

Подделки? Дорогие репродукции? Подлинники? В таком доме... не исключено.

Он принялся снимать все подряд и складывать у двери.

Наконец Миртл обнаружил рабочее место Хеннесси. Свет горел, хотя в комнате никого не было. С высокого потолка свисала еще одна массивная люстра. Изголовье и изножье кровати прислонялись к стене, заваленные свертками холста, пустыми позолоченными рамами и подрамниками. Официальные бумаги, чековые книжки, паспорта и конверты покрывали бюро. Рядом на полу стоял компьютер с выдвинутой клавиатурой – именно так, чтобы кто-нибудь рисковал на нее наступить. Повсюду были краски, карандаши, бумага, книги, картины, рисунки. «Дочери Эдварда Дарли Бойти» Сарджента, «Сестры» Эбботта Тэйера, «Неизвестному британскому солдату во Франции» Уильяма Орпена. Но, несомненно, Хеннесси написала их просто ради удовольствия – они были слишком хорошо известны, чтобы сойти за оригиналы.

Посредине стоял удивительный портрет. На нем была очаровательная золотоволосая женщина в мужском пиджаке, настороженно смотревшая на зрителя. Миртл не особенно любил изобразительное искусство, но этот портрет пробудил в нем какие-то ощущения. Где именно – он пока не понял. В разных частях Миртла.

– Фокус в том, чтобы купить побольше третьесортных старых картин, какие только найдешь, а потом писать прямо на

них. Конечно, тебе крышка, если их просветят рентгеном, но на случайный, непрофессиональный взгляд это – просто потрепанная старая доска. И тогда клиент у тебя в руках. Давай людям то, что они хотят, вот и всё.

Миртл медленно повернулся.

Хеннесси стояла в дверях.

Она изменилась с тех пор, как он видел ее в машине. Кудрявые волосы она собрала в небрежный черный пучок. На ней были темные очки, кроликовая шубка, кружевной топ, казавшийся особенно белым на фоне темной кожи, и лосины, обнажавшие татуировку в виде рыбьей чешуи на икре. Татуировки покрывали и костяшки пальцев, испачканные краской. Миртл по-прежнему не мог понять, сколько ей лет. Хеннесси могло быть двадцать пять. Могло быть семнадцать.

– Самые успешные подделки содержат минимум изменений, – сказала Хеннесси, закуривая. Ее лицо казалось улыбающимся, даже когда она не улыбалась. – В девяноста девяти процентах случаев ты следуешь правилам, и одного процента исключений люди не замечают. Не одна большая ложь, а тысяча мелких, чувак, – вот в чем секрет. Новый Ван Гог? Никто не поверит. Но купят затерявшегося Генри Тонкса. Новые водяные лилии Моне? Без шансов. Но небольшой Филипп Гастон? Запросто. Хочешь совет? Никому не нужен Дега, которого ты сейчас держишь.

Миртл не был готов к такому. Он искал в душе ответ и нашел только гнев. Дело было в том, что она не боялась.

Не кричала. И это его взбесило. Мать всегда предупреждала Миртла, что он агрессивен, и, видимо, не ошибалась, потому что он почувствовал, как его гнев множится. Становится втрое больше, вчетверо, в миллион раз.

Он положил Дега и достал нож.

– Сучка. Нечего со мной так разговаривать.

Хеннесси стряхнула пепел на пол.

– Нечего влезать в чужие дома и разыгрывать шпиона, однако же ты здесь.

Откуда-то из недр особняка раздался вопль. Трудно было сказать, человек какого пола и возраста его издал. Хеннесси, кажется, это не смутило.

Миртл бросился на нее. Он неплохо управлялся с ножом, и ядерный взрыв гнева придал ему сверхсилу. Хеннесси увернулась в ту самую секунду, когда он наступил на половик и поскользнулся. Когда Миртл плюхнулся на задницу, гнев перерос в раскаленную добела ярость. Он несколько лет никому не причинял боли, но теперь думал только о том, как ково это – впиться ногтями ей в кожу.

Раздался еще один вопль. Неизвестная жертва, неведомое место преступления.

Он кое-как поднялся на ноги и приготовился вновь броситься на Хеннесси, которая стояла и курила рядом с неоконченной обнаженной натурой.

– Стоять, – произнес голос у него за спиной.

Что-то холодное и тупое защекотало кожу у Миртла под

ухом.

– Иначе будешь слизывать с пола свои разлетевшиеся мозги.

Он замер.

– Будь добр, передай нож Хеннесси.

Он протянул нож Хеннесси, и та бросила его в открытую банку с краской.

– Джордан, – сказала Хеннесси, – где тебя носило?

Голос, прилагавшийся к пистолету, ответил:

– На четыреста девяносто пятом была авария.

Незнакомка оказалась перед ним. Первым, что он увидел, был пистолет, направленный ему в лицо – «вальтер» с выцарапанным на стволе словом «дипломатия». Вторым, что он увидел, был человек, державший пистолет.

Это был двойник – а как иначе? Она выглядела совершенно как Хеннесси – такие же волосы, такое же лицо, такое же колечко в носу, такие же татуировки. Она и двигалась, как Хеннесси, быстро, уверенно, занимая пространство по максимуму – сплошь мускулы, сила, вызов, оскаленные зубы.

Он ненавидел ее.

– Ну, и кто тут сучка? – спросила Хеннесси, так же лениво и кротко.

Он произнес оскорбительное слово на букву «п». Не «праздник».

– Не будь таким предсказуемым, – сказала Хеннесси и задушила сигарету об его лысину.

Когда он перестал вопить, двойник с пистолетом сообщил:

– Мы сейчас прогуляемся до двери, а потом ты сделаешь так, чтобы больше я тебя не видела.

Они втроем зашагали по длинному коридору, мимо груды картин, которые он собрал, и дошли до двери с выбитым стеклом.

Пик стоял там, дрожа и едва сдерживаясь. Половину его лица покрывала кровь, хотя трудно было сказать, откуда она текла. Робинсон сидел на корточках, держа на ладони несколько зубов, вероятно своих.

В серых утренних сумерках виднелись еще три девушки. Свет был тусклый, но Миртлу показалось, что они тоже очень похожи на Хеннесси. По крайней мере, они все держались с таким видом, как будто им ничего не стоило тебя трахнуть.

Та, которую звали Джордан, порылась у Миртла в карманах и достала бумажник.

– Память у меня дырявая, – пояснила она.

Миртлу редко доводилось слышать нечто столь же жуткое, как дружелюбие в ее голосе в ту минуту, когда она сфотографировала на мобильник его удостоверение.

– Чтобы не забыть. А, погоди-ка.

Она извлекла из бумажника приглашение на Волшебный базар.

– На нем мое имя, – предупредил Миртл.

Хеннесси рассмеялась, как будто это была наименее существенная деталь.

– Ты пожалеешь, – сказал он, когда Джордан передала приглашение одной из девушек, и оно исчезло.

– Сомневаюсь, дружище, – ответила Джордан.

Хеннесси широко улыбнулась Миртлу – ее улыбка была способна поглотить всю планету.

– Спасибо за танец.

Ронан бродил не первый час.

Сначала он шел в никуда, просто переставляя одну ногу за другой и не сводя глаз с ботинок. Под ногами были листья, листья с чужих деревьев, которые не знали его и не беспокоились о нем. Он поворачивал, только когда поворачивала дорожка, когда впереди нависало здание, когда стена кампуса грозно гнала его обратно. Наконец Ронан добрался до лабиринта в уединенном дворике возле богословского факультета. Некоторые лабиринты здесь были сделаны из камня или кустарников, а этот представлял собой просто похожий на мозг узор, выложенный плитками на земле. Выйти из него можно было в любой момент. Единственным, что удерживало человека в лабиринте, были его собственные ноги.

Ронан дошел до середины, потом вышел, и снова вошел, и опять вышел. Он ни о чем не думал – иначе он непременно подумал бы о том, что Адам сейчас объясняется с инспектором и еще бог весть с кем.

Он просто шел.

Просто шел.

Просто шел.

Будь у него машина, он бы сел за руль и поехал. Куда? Куда угодно. Как можно быстрее.

«Чем больше камушков брошено, чем туже закручена

спираль, тем сложнее игра».

В какой-то момент позвонил Диклан.

– Я же просил тебя написать утром. Что тут сложного?

Ронан попробовал ответить, но голос ему отказал. Он попробовал еще раз. Голос прорезался, хотя слабо походил на его собственный. Этим голосом он сказал Диклану:

– Я разгромил его комнату.

Настала тишина. Затем Диклан произнес:

– Я позвоню Адаму.

Ронан продолжал ходить по лабиринту. Где-то кто-то играл на одинокой звонкой валторне – очень, очень хорошо. Ее было гораздо лучше слышно, чем приглушенный шум машин.

Он сел в центре лабиринта. Положил голову на колени. Сомкнул руки на шее. Так Адам и нашел его спустя некоторое время. Он устроился сзади, так что они оказались спиной к спине в середине лабиринта.

– Диклан вынес крабов, – сказал Адам.

Ронан молчал.

– Он велел все валить на тебя, – продолжал Адам.

Ронан молчал.

– Я сказал им... – Адам помедлил. – Я сказал, что ты напился. Прости, я...

– Все нормально, – ответил Ронан. «Пьяный неудачник громит комнату в общежитии». – Нормально. Это я виноват. Плевать, что обо мне подумают. Не важно, блин, что обо мне

подумают. У тебя неприятности?

– Конечно.

Было невозможно понять реакцию Адама, не видя его лица. Держался он очень отстраненно.

– Мне придется возместить ущерб. Флетчеру пришлось поручиться, что это был ты, а не я. И пускать тебя больше нельзя. Меня заставили подписать какую-то штуку, где говорится, что ты впредь не появишься на кампусе.

Валторна грустно сыграла нисходящую гамму и снова взмыла вверх.

– Я заплачу, – сказал Ронан.

Отец оставил ему некоторую сумму, и он ее не трогал. Зачем тратить деньги, если можно приснить все необходимое?

Все, кроме жизни здесь.

Адам повернулся. Ронан тоже. Они сидели лицом друг к другу, в центре лабиринта. Адам вытер слезу на правом глазу Ронана. И показал палец. Тот влажно блестел от одной-единственной капли. Потом Адам вытер слезинку на левом глазу. И тоже показал Ронану палец.

Он был испачкан черным.

Ночная грязь.

– Ничего не получится, – сказал Адам.

Ронан и так это знал. Знал, потому что понимал: было уже поздно ехать и смотреть квартиры, а Диклан ему не напомнил. Это значило, что Диклан отменил встречи. Ронан знал, что все кончено, поскольку Адам подписал бумагу, где гово-

рилось, что Ронану нельзя бывать в кампусе. Это значило, что Ронан вернется и будет ждать его в Амбарах.

Грусть похожа на радиацию – не важно, сколько времени прошло между выходами в зараженную зону, в конце концов критическая мера переполнится, а потом ты умрешь.

Адам Пэрриш и Плаксивый клуб.

– У нас по-прежнему все хорошо, – сказал Адам. – Нам это не повредит.

«Есть хоть какой-нибудь вариант, при котором ты бы мог поехать со мной в Кембридж?»

Нет.

Адам продолжал:

– Я не обязан сидеть в кампусе. Я могу приходить к тебе в перерыв.

Ронан смотрел на листок, который летел по лабиринту; без всяких усилий он перенесся из внешнего круга во внутренний, а потом к нему присоединились еще несколько. Они сгруппировались вместе и несколько секунд дрожали на ветру, прежде чем вместе заспешить куда-то.

– Если хочешь, чтобы я перевелся в колледж поближе к дому, я готов, – торопливо произнес Адам, громоздя слова друг на друга. – Только скажи.

Ронан прижал ладонь к глазу, проверяя, нет ли ночной грязи, но пока все еще было не так плохо.

– Ну, я не такая сволочь.

– Именно такая, – отозвался Адам, пытаясь пошутить –

но тщетно. – Просто не в этом.

Валторна замолчала, и остались только звуки города, который медленно убил бы Ронана, если бы тот позволил.

Ронан встал.

Всё было кончено.

«Ты состоишь из снов, и этот мир не для тебя».

7.07

Вставай, придурок. ТЫ ЖИВ.

Ронан не спал.

Он смотрел на листок, исписанный злым судорожным почерком и приклеенный на покатуую стенку над его детской кроватью в Амбарах. После того как Ронан не ответил ни на одну эсэмэску, ни на один звонок в течение четырех дней после возвращения из Кембриджа, Диклан нанес ему внезапный визит и обнаружил среднего брата в постели – тот лежал в тех же джинсах, в каких ездил в колледж, и ел из банки просроченную фасоль.

«Тебе нужен режим дня», – сказал Диклан.

«У меня есть режим дня».

«Кажется, ты говорил, что никогда не врешь».

7.15

Одеться и побрить эту чудесную лысую башку

Прошло много времени с тех пор, как Ронан в последний раз слышал полноценную нотацию от Диклана. После гибели отца Диклан стал юридически ответственным за братьев до их восемнадцатилетия. Он постоянно страдал Ронана: не

прогуливай уроки, Ронан. Не получи еще один штраф, Ронан. Не задерживайся допоздна с Ганси, Ронан. Не надевай грязные носки, Ронан. Не ругайся, Ронан. Не напивайся до бесчувствия, Ронан. Не общайся со всякой швалью, Ронан. Не убивай себя, Ронан. Не повязывай этот галстук виндзорским узлом, Ронан.

«Составь расписание, Ронан. Сейчас. При мне. Я хочу его видеть».

7.45. Самый важный прием пищи

8.00. Покормить животных

9.30. Ремонт в сараях/в доме

12.00. Обед и та стремная автозаправка

13.30. Чудесный торговый центр снов Ронана Линча.

«Что это значит, Ронан?»

Что совершенство достигается упражнениями. Десять тысяч часов на овладение мастерством; если поначалу тебе что-то не удалось, ты не пытаешься, а просто делаешь. Ронан в последний год проводил массу времени, создавая все более сложные и аккуратные объекты; кульминацией стала замысловатая охранная система, благодаря которой Амбары, в целом, стало невозможно найти, если только не знать в точности, куда едешь. Впрочем, после Кембриджа в этом было мало веселого.

«Я же не спрашиваю, чем ТЫ занимаешься на работе, Диклан».

18.00. Покататься.

19.15. Разогреть пожрать на ужин

19.30. Кино

23.00. Написать Пэрришу

Последняя эсэмэска Адама гласила: «4200 долларов».

Это была сумма, которую предстояло прислать Ронану, чтобы оплатить ремонт в спальне.

23.30. Спать

суббота/воскресенье: церковь/Вашингтон

понедельник: стирка и покупки

вторник: написать или позвонить Ганси

Эти последние пункты в списке были добавлены рукой Диклана – его приписки тонко намекали на все компоненты полноценной взрослой жизни, которые Ронан упустил в процессе. Они лишь вгоняли его в еще большее уныние. Посмотри, каждая неделя похожа на предыдущую, гласило расписание. Посмотри, можно предсказать следующие сорок восемь часов, семьдесят два часа, девяносто шесть часов, посмотри, можно предсказать твою жизнь до конца. Само слово «расписание» угнетало Ронана. Всегда одно и то же. Да

ПОШЛО ОНО.

Ганси написал: *«Диклан сказал, чтобы я велел тебе встать».*

Ронан ответил: *«Зачем?»*

Он смотрел, как утренний свет касается разнообразных черно-серых силуэтов в спальне. Полки с моделями машин, открытый футляр с волынкой, старый поцарапанный стол, на котором стояло чучело кита, металлическое дерево с необыкновенно затейливыми ветвями, куча нестираного белья вокруг груды ярко-красной древесной стружки.

Ганси написал: *«Не заставляй меня садиться на самолет, я сейчас прикован к одному из самых огромных каштанов в Орегоне».*

Со вздохом Ронан сфотографировал свой локоть, согнув его, чтобы было похоже на задницу, и отправил Ганси. В это время года утра были тусклые, но Ронан не стал включать свет, пока готовил завтрак и искал инструменты. Он мог ориентироваться в доме даже в полной темноте. Его руки помнили форму стен, ноги – скрипучий пол, нос – запах древесного дыма и неизменный лимонный аромат комнат... всё было заучено, как мелодия. Этот дом содержал большую часть его детских воспоминаний. Потому, возможно, другим тут было невесело. Но Ронану Амбары всегда казались уцелевшим членом семьи.

Ронан подумал: если уж он взят в плен обстоятельствами, по крайней мере, есть места и похуже Амбаров.

Блестящие поля окутывал густой неподвижный туман. Длинные лиловые тени лежали за многочисленными хозяйственными постройками, но их солнечные стороны были освещены так ярко, что болели глаза. Ронан брел по пологим склонам, где роса мочила ему ноги, и чувствовал, как настроение поднимается. Забавно, подумал он, каким грустным кажется пустой дом и как приятен пустой ландшафт.

Пока он пробирался через поле, существа, которые бросали вызов реальности, крались сквозь высокую траву у него за спиной – одни вызывали тревогу в большей мере, чем другие. Ронану нравилась его странная коллекция – олени и стрекозы, утренние чудовища и птицы-тени, светлые мыши и маленькие, покрытые мехом драконы. С этической точки зрения, Ронан сомневался, допустимо ли это. Можно ли приснить жизнь из ниоткуда? По будням он отдавался импульсу пополнить свои странные стада. По выходным сидел в церкви, смиренно прося у Бога прощения за гордыню.

Сегодня утром он, впрочем, шел к чужим снам. Красивый отцовский скот был постоянным обитателем Амбаров. Коровы напоминали покрытые росой холмики – серые, черные, золотистые, шоколадные, цвета кости, каштана, гранита. Как все живые сны, они не могли бодрствовать без своего сновидца – поэтому они уснули, когда умер Ниалл. Ронану предстояло смириться с тем, что эта судьба в конце концов постигнет и его творения.

Внезапно Ронана окутало зловонное угольное облако.

Мышцы напряглись и заставили его подскочить, прежде чем он понял, что это такое.

– Газолин, – резко сказал он – злее, чем следовало, поскольку Ронан знал, что выглядит глупо. – Лучше не лезь.

Это существо в теории было лучше, чем на практике – огромный, размером с микроавтобус кабан с маленькими разумными глазками и жесткой, как проволока, щетиной. Если он скакал по твердой поверхности, из-под копыт вылетали искры. Если он удивлялся, то исчезал в облаке дыма. Если издавал звуки, они звучали, как птичий крик. А еще у него не было гениталий. У животных это не самый примечательный признак, но раз уж ты заметил их отсутствие, невозможно об этом не думать.

Зловонный дым издал птичью трель и рассеялся.

Ронан разогнал дым ладонью и опустился на колени перед одной из спящих коров – изящной, крапчато-серой, с изогнутым рогом. Он погладил округлое теплое плечо.

– Я заказал билет. Можешь сесть у окна.

Он развернул предмет, который принес из дома – одеяло, как будто сотканное из осенней листвы, большое, как скатерть, – и набросил его на корову. Пришлось встать на цыпочки, чтобы накрыть ее целиком. Потом Ронан нащупал потайную бечевку, которую видел во сне, из которого принес эту штуку. Она была спрятана внизу, так, что напрочь отказывала логика, если слишком сильно об этом задуматься, поэтому он и не задумывался. Ронан просто потянул бечев-

ку, и одеяло собралось; смотреть на это было трудно, потому что его движения не имели никакого логического смысла. На некоторые сонные штуки вообще было лучше не смотреть. Ронан слышал много сказок о волшебниках и ясновидцах, которых магия сводила с ума; и действительно, одни сны казались мозголомнее других. Лиственное одеяло было из их числа.

Ронан трижды слегка подергал бечевку, и, как во сне, одеяло стало подниматься в воздух – вместе с коровой. Теперь у Ронана была корова на веревочке. Корова – воздушный шарик. Рогатый аэростат. В глубине души он подумал, что, возможно, проведет зиму, вновь пытаясь приснить нечто, способное пробудить грезы мертвого сновидца. Дело, которым гораздо приятнее заниматься в сарае с обогревателем. Ему просто было нужно средство для транспортировки коров.

Он обрадовался, что одеяло сработало; Ронан сомневался, что теперь ему повезет сильнее, чем в течение последних нескольких месяцев.

Он вдруг задумался, не знает ли тот, другой сновидец, Брайд, как разбудить чужие сны.

Возможно, игра стоила свеч.

– Керау! – донесся крик сверху.

Ронан запрокинул голову, и убийственно-черная птица кинулась к нему.

Это была Бензопила, одно из самых давних его созданий. Она была вороном, и, как и у Ронана, все самые интересные

ее черты крылись от случайного взгляда.

Ронан протянул руку, но она просто каркнула и пронеслась в нескольких сантиметрах от его плеча. Бензопила облетела парящую в воздухе корову.

– Вот поганка.

– Крек, – отозвалась Бензопила.

В ее словаре в основном фигурировали только крайности: то, что ей очень нравилось («керау», то есть Ронан), и то, что она ненавидела («крек-крек», выразительная форма от «крек», слово, которым она обозначала другие сонные существа, точнее одно конкретное и ненавистное сонное существо по имени Опал, второго психопомпа Ронана). «Жрать» тоже было хорошим словом, изначально приноровленным для ворона. И «атом» – в котором почти распознавалось «Адам», если внимательно прислушаться.

– Ага, – сказал Ронан. – Ну, пошли, если ты со мной.

Он потянул корову-шарик к длинному сараю, крепко держа за веревку. Он сомневался, что лиственное одеяло перестанет устремляться вверх, если он отпустит. Ронана вовсе не радовала мысль о корове, летящей в космос.

Когда он подошел к сараю, зазвонил телефон. Ронан, проигнорировав его, слегка свистнул, и дверь послушно отперлась. Он смутился, когда понял, что корова не пролезет в обычный вход; ему пришлось привязать ее к дверной ручке, а самому зайти внутрь и отпереть большую створку.

Мобильник снова загудел. Ронан не обратил на него вни-

мания.

Сарай был загроможден сонными творениями – какие-то машины с клешнями, нечто с шестеренками, сверхъестественная погода, спрятанная под брезентом, биение сердца в стеклянных колбах... то, что не вписывалось ни в какую систему, кроме его собственной. Ронан поспешно расчистил перед дверью место размером с корову.

Телефон снова загудел. Ронан не обратил на него внимания.

Он втянул продолжавшую парить корову внутрь, стараясь не стукнуть ее головой о косяк. И наморщил нос. В сарае стоял какой-то едкий запах.

Телефон гудел, гудел, гудел.

– Блин, – сказал Ронан Бензопиле, которая ловко летала по сараю, не касаясь бардака. Держа веревку одной рукой, он достал телефон.

– Чего тебе, Диклан? У меня, блин, корова на буксире.

– А у меня довольно неприятное родительское собрание. Ты мне нужен.

До Ронана не сразу дошло, о чем речь, поскольку в его жизни не было ни родителей, ни учителей. Потом, сделав еще один осторожный шаг в глубь сарая, с болтающейся на привязи коровой, он сообразил.

– Мэтью?

– Ну а кто еще? – спросил Диклан. – Ты приснил еще одного брата, который вечно лагает?

Сновидец, сон и Диклан – вот что представляли собой братья Линч.

Бензопила была давним сном Ронана, а Мэтью – еще более давним. Случайным. Ронан был совсем маленьким. В то время он даже этого не понял – он просто принял внезапное появление младенца-брата, который, в отличие от Диклана, был почти всегда доволен. Он сразу полюбил его. Все любили Мэтью. Ронану не нравилось об этом думать, но, возможно, способность внушать любовь Мэтью приснили.

Вот почему игра стоила свеч, если Брайд знал, как разбудить сны мертвого сновидца. Если бы Ронан умер, Мэтью заснул бы вместе с остальными его снами.

Никакого отведенного на исповедь времени не хватило бы, чтобы с души Ронана спало это бремя: он приснил человека.

Мэтью не знал, что он – сон.

– Ладно, – сказал Ронан.

Мерзкий запах нарастал; он уже почти заставлял дышать ртом.

– Я...

Внезапно неприятный запах обрел конкретную форму – материализовался Газолин, кабан размером с микроавтобус. Ронана сшибло с ног. Телефон полетел в грязь. Корова взмыла в воздух, и веревка захлопала, как хвост воздушного змея.

Ронан выплюнул все бранные слова, какие знал. Корова с закрытыми глазами, в невинном неведении, медленно ле-

тела к солнцу.

– Бензопила! – закричал Ронан, хотя не сразу понял, какие слова должны за этим последовать. – Крек!

Бензопила вылетела из сарая, описала круг и радостно каркнула:

– Керау!

– Нет! – Ронан указал на корову, которая парила на уровне крыши. – Крек!

Бензопила устремилась вверх и облетела поднимающуюся корову, с любопытством глядя на нее. Судя по всему, ей очень нравилась эта веселая игра. Какая прекрасная корова, какое сильное решение она приняла сегодня утром, как здорово, что она тоже поднялась в воздух. Издав несколько ликующих криков, Бензопила подлетела ближе, потом описала круг в другую сторону...

– Принеси мне крек! Я дам тебе печеньку! Жрать! Мясо! – Ронан предлагал весь возможный арсенал угощений. – Пирожок! Сыр!

Корова и птица становились все меньше.

– Мусор! – в отчаянии предложил Ронан – единственное, что Бензопиле всегда страстно хотелось и было нельзя.

Бензопила схватилась когтями за бечевку.

На мгновение Ронан испугался, что летающее одеяло окажется тяжелее ворона. Но затем Бензопила устремилась вперед и потянула, хлопая крыльями с чуть бóльшим напряжением, чем обычно. Ронан протянул руку в знак поддержки.

Он пережил несколько неприятных секунд в самом конце, когда испугался, что она отпустит бечевку раньше, чем он за нее возьмется – Бензопила любила сачковать – но тут веревка оказалась у него в руке, и он втянул корову в сарай.

Достав нож, Ронан срезал одеяло с коровы. Она упала с высоты нескольких сантиметров на земляной пол.

И тогда наконец он позволил себе облегченно вздохнуть.

Ронан перевел дух и сбросил крышку с металлического мусорного бака, исполняя обещание, данное Бензопиле, а затем подобрал упавший телефон. На экране по-прежнему отражался номер звонящего с подписью «Баклан Линч».

Ронан поднес телефон к уху.

– Ты еще там? Я...

– Не желаю знать, – перебил Диклан. – Приезжай, когда сможешь.

Диклан Линч был лжецом.

Он лгал всю жизнь. Ложь давалась ему легко, непринужденно, инстинктивно. Где работает твой отец? Летом продает дорогие спортивные машины, а зимой страховку. Он анестезиолог. Занимается финансовым консультированием при разводах. Работает рекламщиком в международных компаниях англоязычного сектора. Служит в ФБР. Где он познакомился с твоей мамой? Они вместе учились в старшей школе. Их познакомили друзья. Она сфотографировала его на сельскохозяйственной ярмарке – сказала, что хочет сохранить эту улыбку навсегда. Почему Ронан не хочет на вечеринку с ночевкой? Он ходит во сне. Однажды он вышел на дорогу, и папе пришлось убеждать водителя, который едва-едва успел затормозить, что Ронан правда его сын. Отчего умерла твоя мать? Кровоизлияние в мозг. Редкое генетическое заболевание. Передается от матери к дочери – хорошо, что у Авроры рождались только сыновья. Как поживаешь? Хорошо. Неплохо. Замечательно.

Правда была хуже. Она напоминала закрытый гроб на похоронах, где присутствовали ее отчужденные родственники – Ложь, Безопасность и Секреты.

Диклан лгал всем. Возлюбленным, друзьям, братьям.

Ну...

Чаще он просто не говорил правду.

– Здесь всегда так хорошо, – сказал Мэтью, когда вылез из машины, и под ботинками у него захрустел гравий.

Братья находились на вирджинской стороне национального парка Грейт-Фоллз, всего в нескольких милях от дома Диклана. Здесь можно было совершить приятную прогулку по историческому каналу и посмотреть, как Потомак задерживает дыхание и прыгает с семидесятифутового карниза, а потом, деловито бурля, утекает из Западной Вирджинии в Атлантический океан. Небо висело низко над головами, хмурое, серое, оттеняя осенние краски. В воздухе стоял ностальгический дымный запах мертвых дубовых листьев. Было красиво, особенно если ты приехал сюда впервые.

Диклан бывал тут очень много раз.

– Мне нравится сюда ездить, – соврал он.

– Ежегодный карнавал, – сказал Ронан, хлопнув пассажирскую дверцу.

Его девиз гласил: «Зачем закрыть, если можно хлопнуть». Гарвардское фиаско погрузило его в бездну уныния. Не всегда было легко определить, насколько плохое у Ронана настроение, но Диклан стал своего рода знатоком настроений брата. Если он хлопал дверцей, это значило, что его сердце еще качает кровь. Тишина означала опасность, медленно точившую вены. Сначала Диклан боялся мысли о Ронане, переехавшем в Кембридж. Теперь он боялся Ронана, который не смог уехать.

Он подумал: черт возьми, столько вещей приходится бояться.

– Моя машина ничего тебе не сделала, – спокойно произнес Диклан, закрывая дверцу со своей стороны. – Мэтью, пакет.

Мэтью достал пакет с буррито. У него было превосходное настроение. Он всегда, конечно, бурлил энергией – это и значило быть Мэтью – но еще веселей ему становилось, когда его брали в Грейт-Фоллз. Он ездил бы сюда каждый день, если бы мог – Диклан выяснил это летом. Он серьезно взялся за роль опекуна. Он читал статьи о дисциплине, мотивации, поддержке. Он устанавливал комендантский час, проводил в жизнь последствия непослушания, был, скорее, советчиком, чем другом. Раз Диклан стал официальным опекуном, больше он не мог быть просто братом. Он должен был стать Законом. Иными словами, Диклан держал себя довольно строго с Ронаном после смерти родителей. А с Мэтью... что ж, Мэтью был так счастлив, что Диклан предпочел бы просто не нарушать баланс – любой ценой. Тем летом, впрочем, Мэтью просился в парк каждый день, пока старшему брату не пришлось впервые ему отказать.

Диклану казалось, что до сих пор он расстраивался из-за того разговора сильнее, чем Мэтью.

– Дай мне буррито, – потребовал Ронан. – Я такой голодный, что готов съесть ее дважды.

Диклану было ясно, что Ронан совершенно не в настрое-

нии шутить. Но средний Линч тоже сделал бы что угодно, лишь бы Мэтью был счастлив.

И это сработало. Мэтью залился искренним заразительным смехом, хлопая ладонью по своей безобразной шляпе. У него был чудовищный вкус. Из-за таких, как Мэтью, и придумали школьную форму.

– Моя туристическая шляпа, – сказал он, как будто ровная и чистая тропа могла быть предназначена для чего-то более серьезного, чем прогулка.

И они пошли. Они поели – во всяком случае, Ронан и Мэтью. Ронан – большими жадными кусками, Мэтью – с едва скрываемым восторгом ребенка на Рождество. Диклан оставил свою порцию нетронутой, потому что не прихватил с собой лекарство, а желудок у него, как всегда, болел. Тишину нарушали только шаги и постоянный шум водопада. Сырые желтые листья срывались с ветвей там и сям в гуще леса. Лужи на тропинке иногда дрожали, как будто в них падал дождь, хотя погода стояла ясная. Здесь было дико. Укромно.

Диклан осторожно затронул насущную тему.

– Учителя говорят, ты сидел на крыше.

– Ага, – бодро отозвался Мэтью.

– Мать Божья, Ронан, прожуй, иначе подавишься! – и Диклан снова обратился к Мэтью: – Они сказали, ты смотрел на реку.

– Ага, – повторил Мэтью.

Тут вмешался Ронан.

– Реку с крыши не видно, Мэтью.

Мэтью рассмеялся, как будто слышал шутку.

– Ага.

Диклан не рисковал слишком глубоко исследовать причины загадочного влечения Мэтью к реке, поскольку это могло навести брата на мысли о своем происхождении. Почему Диклан молчал? Потому что родители воспитали Мэтью человеком, и казалось жестоким теперь лишить его этого. Потому что Диклан мог справиться лишь с одним братом в кризисе. Потому что он так хорошо натренировался хранить секреты, что секретом было буквально всё – пока ему не доказывали обратное или пока это у него не крали.

– Говорят, ты постоянно уходишь с уроков, – сказал Диклан. – Без объяснений.

Учителя говорили намного больше. Они объясняли, что любят Мэтью (впрочем, разве они могли его не любить?), но боятся, что он сбивается с пути. Контрольные он сдавал с опозданием, забывал о консультациях. Во время дискуссий в классе переставал сосредотачиваться. Однажды он попросился в туалет в середине урока и не вернулся. Его обнаруживали на черных лестницах, в пустых аудиториях, на крыше.

«На крыше?» – повторил Диклан, ощутив во рту вкус желчи. Ему показалось, что он прожил тысячу лет, и все – в аду.

«Ну, не в том смысле, – поспешно объяснили учителя. – Он просто сидел. Просто смотрел. Сказал, что смотрит на

реку».

– А что же мне делать? – спросил Мэтью, добродушно пожав плечами, словно собственное поведение представляло загадку для него самого. Возможно, так оно и было. Не то чтобы он плохо соображал. Скорее, это было полное отсутствие скепсиса. Побочный эффект волшебного происхождения? Или качество, которым его наделили намеренно?

Диклану не нравилось любить ненастоящего человека.

Он ненавидел Ниалла. Если бы тот удосужился объяснить Ронану хоть что-нибудь, жизнь теперь выглядела бы иначе.

Мэтью, очевидно, обдумал услышанное, или, во всяком случае, понял, что братья встревожены. Он спросил:

– И что вы от меня хотите?

Диклан переглянулся с Ронаном поверх головы Мэтью. Выражение лица Ронана гласило: «Какого черта тебе теперь надо?» Взгляд Диклана означал: «Это, скорее, твоя территория, чем моя».

Ронан сказал:

– Мама хотела бы, чтобы ты старался.

На мгновение лицо Мэтью омрачилось. Ронану позволялось вспоминать Аврору, потому что все они знали: Ронан любил ее так же сильно, как Мэтью. А Диклан, чья любовь была полна сомнений и несовершенна, просто не мог.

– Я же стараюсь, – ответил Мэтью.

У Ронана загудел телефон. Он немедленно схватил его; это могло означать только одного человека – Адама Пэрри-

ша. Пару минут Ронан очень внимательно слушал, а потом тихо, чуть слышно, непривычным голосом, произнес:

– Alter idem.

И убрал телефон.

Диклан решил, что все это тревожно, а Мэттью спросил с бодрым любопытством:

– Почему ты не сказал просто «я тебя люблю»?

Ронан прорычал:

– А почему у тебя буррито на рубашке, а не во рту?

Мэттью, ничуть не смутившись, смахнул с одежды кусочек салата.

У Диклана были смешанные чувства по поводу Адама Пэрриша. Он ни за что бы не сказал человеку, с которым встречался, правду о семье Линчей; знать об этом было слишком опасно для того, с кем имеешь шанс расстаться. Но Адам знал все, потому что некоторые вещи видел лично – и потому что Ронан всем с ним делился. Поэтому, теоретически, этот роман был слабым звеном.

Но Адам Пэрриш также был осторожен, расчетлив, амбициозен, неотрывно сосредоточен на перспективе, а потому оказывал на Ронана хорошее влияние. И достаточно было провести с ними двоими хоть минуту, чтобы понять, что он сильно вкладывался в Ронана. Поэтому, теоретически, по части безопасности Адам был, скорее, положительным фактором, чем отрицательным.

«Если он не бросит Ронана».

Диклан не знал, в какой момент терпение Адама Пэрриша закончится.

Не то чтобы Адам, впрочем, был особо откровенным, даже если сейчас он таковым притворялся.

Братья Линч добрались до любимого места Мэтью, смотровой площадки номер один. Крепкий многоярусный настил нависал над рекой, огибая валуны, размером больше человеческого роста. Проворный человек мог вскарабкаться прямо на камни, чтобы насладиться зрелищем. Мэтью всегда предпочитал этот вариант.

День шел, как всегда. Мэтью сунул обертку от буррито Диклану. Уродливая шляпа свалилась у младшего Линча с головы, но он, казалось, не заметил этого – он скакал по камням, стараясь залезть как можно выше и подобраться как можно ближе.

Словно зачарованный.

Потомак был здесь беспокойным, быстрым, широким. Облокотившись на перила, Мэтью закрыл глаза и втянул воздух полной грудью, как будто до сих пор ему не хватало кислорода. Его лоб расслабился от напряжения, которое раньше оставалось незамеченным. Ангельские локоны трепались от речного ветра, обрисовывая профиль не ребенка, но юноши.

– Мэтью... – начал Диклан и замолчал.

Мэтью не слышал. Водопады держали его в своей власти.

Прошло немало времени, прежде чем Ронан тихо выдохнул «блин».

Действительно, это было зловеще – их в норме оживленный брат, превратившийся в зачарованного принца. Мэтью не отличался любовью к раздумьям, и было странно видеть, как он стоит, закрыв глаза и блуждая мыслями где-то. Чем больше времени проходило, тем тревожней становилось остальным. Пять минут, десять, пятнадцать... это довольно долгое ожидание, но в целом ничего странного. Час, два, три – уже другое дело. От этого волосы встают дыбом. Диклан подумал: становится всё очевиднее, кто такой Мэтью на самом деле – человек, чье существование зависит от Ронана и, возможно, еще от чего-то за пределами реальности. Что давало Ронану силу? Что дало силу Ниаллу? Что-то связанное с этой бурливой рекой.

Казалось, Мэтью вот-вот должен был всё понять.

Ронан втянул воздух сквозь зубы и медленно выдохнул носом – такое знакомое действие, что Диклан мог определить его по звуку. Затем Ронан спросил:

– Что такое Волшебный базар?

Желудок Диклана услышал вопрос раньше, чем мозг. И его охватила горячая тревога.

«Черт возьми».

Мысли бешено понеслись по диаграмме секретов и лжи. Почему Ронан вообще об этом спрашивает? Он нашел что-то связанное с Ниаллом в Амбарах? Кто-то связался с ним? Их тайна под угрозой? Что за процесс запустил Диклан, когда позвонил тому человеку, когда забрал ключ, когда отпра-

вился в тот дом в Бостоне, пока Ронан общался с Адамом?

Диклан бесстрастно переспросил:

– Что-что?

– Не ври, – сказал Ронан. – Я для этого слишком зол.

Диклан взглянул на младшего брата. Самого естественного из них, но ненамного. Ронан вырос и стал в точности таким, как отец. Ему недоставало длинных кудрей Ниалла и его искрометного обаяния, но нос, рот, брови, осанка, кипящее в глазах беспокойство, все остальное было тем же самым, как будто Аврора совершенно не участвовала в процессе. Ронан уже не был ни мальчиком, ни подростком. Он становился мужчиной, ну или зрелой версией себя. Сновидцем.

«Перестань опекать его, – велел себе Диклан. – Скажи ему правду».

Но ложь казалась безопаснее.

Он знал, что Ронан терпит неудачу в одиночку, в Амбрах. Фермы, которую он обожал, было для него недостаточно. Братьев было недостаточно. Даже Адама было недостаточно, но Диклан знал, что так далеко Ронан еще не зашел. В нем было нечто странное, зияющее и ненасытное, и Диклан знал, что это нечто можно либо накормить, либо позволить ему катиться к финалу и, в конечном итоге, потерять и другого брата. Всю семью.

Диклан стиснул зубы и взглянул на реку, которая бросалась о камни.

– Хочешь пойти со мной?

Иногда Хеннесси представляла, как делает шаг с крыши.

Несколько секунд она будет набирать высоту, оторвавшись от крыши в прыжке, а потом сосущее ощущение тяжести обернется вокруг ее тела. И только тогда официально начнется падение. Девять целых восемь десятых метров на секунду в квадрате – вот какова скорость, если убрать все переменные. Соппротивление воздуха, трение, естественные и сверхъестественные силы, шесть других девушек, которые перегибаются через край и кричат: «Хеннесси, вернись!»

У французов для этого даже существует определение. *L'appel du vide*, зов пустоты. Порыв прыгнуть, который возникает даже у не склонных к суициду людей, стоит им подняться повыше. Пятьдесят процентов думают о том, чтобы броситься вниз, во многом к собственному удивлению. То есть один из двух. Таким образом, не только Хеннесси представляла себе, как ее тело рухнет в можжевельник тремя этажами ниже.

Хеннесси стояла на бетонной площадке на крыше дома, и мыски ее сапог выступали за край, нависая над двором. На заднем плане порывисто играла музыка – нечто невнятное, чувственное и беспокойное. Кто-то подпевал, хотя язык был незнаком Хеннесси – очевидно, это была Джордан или Джун. Разговор то начинался, то затихал. Звякали бокалы и бутыл-

ки. Где-то раздался выстрел – один, другой, третий, далеко и гулко, напоминая отдаленный стук бильярдных шаров. Это была низкопробная вечеринка. Тайная попойка для людей, у которых столько грязного белья, что они точно не станут перетряхивать еще и чужое.

– Мы хотим, я хочу, мы все хотим мороженого, – произнес кто-то за спиной у Хеннесси.

Это был ее голос, но в другом теле. Не совсем в другом теле. В определенном теле. Хеннесси пришлось обернуться, чтобы понять, кто это, но и в этом случае она была не вполне уверена. Может, Тринити. Или Мэдокс. Новеньких было трудно различить. Всё равно что смотреть в зеркало.

Девушка оценила позу Хеннесси и продолжала:

– Ты прыгаешь, я прыгаю, мы прыгаем.

Все на этой тайной вечеринке полагали, будто самое большое откровение Хеннесси – это что она одна из самых плодovitых фальсификаторов на Восточном побережье. Но настоящий секрет крылся вот в чем: Хеннесси, Джордан, Джун, Бруклин, Мэдокс, Тринити. Шесть девушек с одним лицом.

Хеннесси их всех приснила.

Только двух из них можно было увидеть одновременно. Двойняшки – это понятно. Тройняшки – чуть более непривычно. А вот четверо и пятеро близнецов... любое число свыше трех становилось чересчур примечательным.

Жизнь Хеннесси и без того была чертовски сложна. И ей не хотелось, чтобы к ней присосался некто, знающий правду.

– Это место спроектировал пьяный итальянский поклонник Тима Бертона, – сказала Хеннесси, глядя на затейливый задний двор. Он был запущен, но его геометрия еще не окончательно пала жертвой буйных зарослей. Безумные вазоны, лабиринты из самшита, мох, растущий между аккуратно вымощенными дорожками. Чтобы скрыть, что она не знает, кто конкретно из двойников стоит перед ней, Хеннесси спросила:

– Чего тебе надо, сучка?

– Я Мэдокс, дура, – ответила Мэдокс; она могла раскусить фокусы Хеннесси, потому что она и была Хеннесси. – Мне нужна водка. Куда она делась?

– В «Порше» ее нет?

Мэдокс покачала головой.

– Что за дьяволы в нее вселились, интересно? – легкомысленно поинтересовалась Хеннесси. – Иди развлекай этих смертных от моего имени, а я поищу. Какие комнаты уже кишат мной?

– Только кухня, – ответила Мэдокс. – Кажется, там Джун и Тринити.

Хеннесси отошла от края и вернулась на свою вечеринку. Пока она скользила по дому, люди, для которых она мошенничала, люди, у которых она брала деньги, люди, с которыми вместе она прятала трупы, и люди, с которыми она спала, кивали ей, касались локтя, целовали ее в губы. Хеннесси не искала водку. Мэдокс водка не интересовала. Возможно, она

до сих пор лежала в «Порше». Мэдокс поднялась на крышу, чтобы отвести Хеннесси от края. Скорее всего, ее послали.

Хеннесси забрела в один из боковых коридоров. Переступая через битое стекло и кровь, оставшуюся после вторжения Брека, она шла, пока не добралась до комнаты, которую Джордан чаще всего использовала для работы. Джордан, как и Хеннесси, любила рисовать по ночам – поэтому она не нуждалась в помещении с окнами. Ей была нужна комната с розетками, чтобы сидеть возле холста в окружении настольных ламп, ярких, как театральные прожектора. Впоследствии она всегда проверяла цвета на картине при естественном освещении. Хеннесси сама не знала, почему они обе предпочитали работать ночью; несомненно, это была дурная практика. Но солнце никогда не казалось другим.

– Я не хотела, – сказала Хеннесси, заходя в студию.

Разумеется, Джордан была там, среди больших темных холстов, скипидара, тряпок и кистей, торчавших щетиной вверх. Их рукоятки были покрыты роскошными яркими потеками краски. Джордан работала над приглашением на Волшебный базар. Под микроскопом на столе лежал оригинал приглашения Брека, изящный и странный полотняный квадратик, похожий на таинственный носовой платок. Вокруг валялись несколько набросков. Джордан держала в руке маленький маркер, который пробовала на чистом лоскутке.

– Не понимаю, о чем ты, – сказала она, не отрываясь от работы.

Хеннесси влезла на стул, чтобы обозреть стол сверху.

– Черт, выглядит паршиво.

Джордан посмотрела сквозь маленький микроскоп на пятнышко, которое поставила на лоскутке.

– У меня почти получилось.

Она была первым из двойников; Джордан Хеннесси при-
снила ее много лет назад. «Хеннесси» она оставила для себя,
а имя «Джордан» отдала этой новой девушке. Поскольку она
была первой копией, и самой старшей, Джордан получилась
самой сложной. Остальные тоже не отличались простотой,
но у Джордан в запасе было больше десяти лет собственных
воспоминаний и опыта.

Иногда Хеннесси забывала, что Джордан – это вообще-то
она сама.

Иногда ей казалось, что и Джордан об этом забыла.

– Твой неумирающий оптимизм надо увековечить, – ска-
зала Хеннесси. – Поставить в музей, чтобы школьники мог-
ли его увидеть, прочитать надпись на табличке и извлечь мо-
ральный урок. Его нужно разрезать на кусочки и зарыть в бо-
гатую почву, там, где много солнца, чтобы из каждого кусоч-
ка вырос новый оптимизм, ожидающий жатвы...

Джордан перевернула лоскут и коснулась его другим мар-
кером.

– Как ты думаешь, сколько у нас времени?

Когда-то Хеннесси гадала, что будет, если она разделит
это лицо – и эту жизнь – с двадцатью другими девушками.

Пятьюдесятью. Сотней. Тысячей. Теперь она знала, что этому не суждено стать. Каждый раз, когда Хеннесси воплощала в реальность новую копию себя, это обходилось ей дорого, и становилось всё хуже.

Но она не могла остановиться. Ни перестать видеть сны, ни перестать видеть во сне себя.

Каждая ночь была разделена на двадцатиминутные отрезки, и будильник возвращал ее из сна, прежде чем она успевала начать грезить. Каждый день проходил в ожидании черной крови, возвещающей, что нельзя откладывать вечно.

Хеннесси знала, что скоро это ее убьет.

Если только не сработает план Джордан.

Вместо того чтобы ответить на ее вопрос, Хеннесси сказала:

– Растяни ткань.

Если долго жить среди загадок, начинаешь их разгадывать, даже не успев задуматься. Она долго смотрела на приглашение с Волшебного базара и на усилия Джордан и пыталась найти компромисс. Туго натянуть ткань, нанести чернила, отпустить, и тогда линии будут точно такими же, как на оригинале.

– Конечно, – сказала Джордан.

Она покачала головой, одновременно ища необходимые инструменты.

– Вот почему именно ты должна была этим заниматься.

Разумеется, она ошибалась. Этим должна была занимать-

ся Джордан, потому что ее это заботило. Правило гласило: если тебе не плевать на работу, работа твоя. Хеннесси было плевать на выживание, конечно, но, в первую очередь, она попросту сомневалась, что этот план с Волшебным базаром сработает.

Джордан как будто читала ее мысли – разумеется, это нетрудно, когда головы так схожи. Она сказала:

– Всё получится, Хеннесси.

В конце концов, в этом и заключалась разница между Хеннесси и Джордан. Хеннесси представляла, как бросается с крыши и падает. Джордан представляла, как бросается с крыши и летит.

Фарух-Лейн понадобился всего один день, чтобы понять, что Николенко ошиблась насчет Парцифалья Бауэра. Он не был стоворчив, он был пассивен, а это совсем другое дело. Он делал только то, что ему хотелось, и зачастую было трудно понять, когда он чего-то избегал, а когда наоборот. В детстве у Фарух-Лейн была собака, которая вела себя точно так же. Муна, красивая нечистокровная овчарка, с густой черной шерстью на шее, как у лисы, абсолютно покладистая, пока ее не просили сделать что-нибудь, что ей не хотелось – выйти на улицу в дождь или показаться гостям. Тогда Муна валилась наземь, как тряпичная кукла, и ее приходилось тащить силой – игра никогда не стоила свеч.

Точно таким же был и Парцифаль Бауэр.

Для начала, он оказался необыкновенно разборчив в еде. Фарух-Лейн превосходно готовила (что такое стряпня, как не восхитительная система?) и ценила хорошую еду, но рядом с Парцифалем Бауэром она чувствовала себя неразборчивой свиньей. Он предпочел бы не есть вообще, чем поглотить пищу, которая нарушала его загадочные внутренние правила. К супам и соусам он относился с недоверием, мясо не должно было оставаться розовым в серединке, корочка на выпечке не допускалась. Газированные напитки считались надругательством. Он любил бисквиты определенного

рода, но не глазурь. Клубничное варенье, но не клубнику. Заставить его поесть в отеле по приезде в Вашингтон оказалось невыполнимой задачей. Было уже достаточно поздно, почти все закрылось, и Фарух-Лейн, раздобывшая сэндвичи для них обоих, чувствовала себя волшебницей. Парцифаль не сказал, что не станет есть; он просто сидел и смотрел на сэндвич у себя на тарелке до полуночи, до половины первого... и наконец она сдалась.

У него имелись правила и касательно других сфер жизни. Парцифаль непременно должен был сидеть у окна. Он не желал первым проходить в дверь. Он не любил, когда его видели без ботинок. Он не позволял другим нести свою сумку. Ему нужно было непременно иметь при себе ручку. Он слушал только оперу – или тишину. Он чистил зубы три раза в день. Он терпеть не мог двуспальные кровати. Он не спал с закрытыми окнами. Не пил воду из-под крана. Сделать что-либо существенное он мог только в туалетной кабинке с доходящей до пола дверью. Он не выходил на люди, не приняв сперва душ.

С утра Парцифаль был сговорчивее, но, по мере того как он уставал, ситуация усугублялась. К вечеру он превращался в клубок невероятных правил и желаний и становился замкнутым и мрачным. Его упрямство было столь непреодолимым и всеобъемлющим, что Фарух-Лейн от сочувствия переходила прямо к гневу.

В первый раз они поссорились, когда Парцифаль выяснил,

что они живут в одном номере. Приказ Модераторов. Их поселили в люксе, поэтому ему предстояло спать на раскладной кровати в гостиной, а Фарух-Лейн в комнате за дверью. Он настаивал, чтобы окно ночью было открыто. Фарух-Лейн намекнула, что на улице мороз; она сомневалась, что грипп пойдет на пользу делу. Парцифаль, нагромождая диванные подушки с одной стороны кровати, чтобы она больше походила на односпальную, заметил, что она может закрыть дверь. Фарух-Лейн сказала, что кондиционер отреагирует на открытое окно и поднимет температуру до нестерпимого уровня. Она думала, что разговор окончен и всё решено. Они пошли спать.

Когда она закрыла дверь, он открыл окно.

Она изжарилась. Когда она встала, окно было закрыто, но Фарух-Лейн знала, что Парцифаль закрыл его, когда услышал, что она выходит. Она сказала ему пару ласковых. Он не извинялся, вообще не реагировал на нее. Окно ведь закрыто, так?

Таким был Парцифаль Бауэр.

– Я не пойду, – сказал Парцифаль, пристроивший свое долговязое тело на краю кушетки, заваленной подушками.

Был вечер четвертого дня – нет, пятого. Или шестого? Когда путешествуешь, время идет по-другому. Оно тянется и сжимается, принимая неожиданные формы. Фарух-Лейн и Парцифаль провели вместе несколько удушливых вечеров, ругаясь из-за открытых окон и еды из закусочных на

фоне типичного гостиничного ковра и немецкой оперы. У Парцифалья еще не случилось нового видения, поэтому Фарух-Лейн работала с информацией, добытой из старого. У нее и у остальных Модераторов ушел не один день напряженных поисков, чтобы понять, что в этом видении представлено нечто под названием Волшебный базар – нерегулярный черный рынок, который открывался только после наступления темноты. Трудно было сказать, что они там найдут, но раз Парцифаль его увидел, там обязательно должен был оказаться либо Зет, либо Провидец.

Лок только что прислал с курьером входной билет. В городе не было других Модераторов, однако Фарух-Лейн могла попросить по телефону поддержки у сотрудников местного агентства, если бы нашла нечто, требующее немедленной реакции. То есть если бы понадобилось убить кого-то. Что-то. Зета.

– Придется пойти, – сказала Фарух-Лейн Парцифалью. – Это не я придумала. Это распоряжение сверху.

Парцифаль не ответил. Он просто начал складывать белье, которое недавно принесли из прачечной.

– Я не могу уйти на несколько часов, – сказала Фарух-Лейн. Она уже запаздывала. Ночь за уродливыми серыми шторами была абсолютно черна. – Нам нельзя разлучаться надолго. Вдруг у тебя будет видение?

Он свернул два очень длинных черных носка и старательно снял с одного из них ворсинку, прежде чем положить нос-

ки на верх стопки белья. Парцифаль не снисходил до спора – он просто отказывался вставать. И что делать, тащить его силой?

Фарух-Лейн никогда не теряла терпения. В детстве она славилась невозмутимостью – и у матери, и у Натана был бешеный темперамент. Мать с гарантией теряла терпение, услышав слово «счет»; Натан мог сохранять спокойствие несколько дней и даже недель, а потом, по каким-то непостижимым причинам, мгновенно впадал в потрясающую ярость. А Фарух-Лейн невозможно было ни уязвить, ни взбесить. Она родилась человеком, который строит планы. Составляет их, хранит, перерабатывает и осуществляет. Пока в перспективе имелся план, некая система, она сохраняла спокойствие.

Парцифаль Бауэр мог оказаться последней каплей.

– Еда, – сказала Фарух-Лейн, возненавидев себя сначала за недостаток красноречия, а затем за то, что она опустилась до подкупа. – Пойдем со мной, и мы купим любую еду, какую ты хочешь.

– Все уже закрыто, – рассудительно заметил Парцифаль.

– Магазины еще открыты, – возразила она. – Можем купить темный шоколад. Семьдесят процентов какао. Даже девяносто. И воду в бутылках.

Он продолжал складывать белье, как будто ничего не слыша. Фарух-Лейн почувствовала, что у нее повышается температура. Интересно, именно это ощущал Натан, перед тем

как кого-нибудь убить? Всё усиливающуюся мрачную настойчивость?

Она отогнала эту мысль.

– Можешь подождать в машине, – сказала она. – С телефоном. Напиши, если у тебя начнется видение, и я выйду.

Лока взбесил бы этот убогий компромисс, но Парцифаль, очевидно, не признавал, на какие уступки она идет. Он аккуратно сложил залатанный на локтях свитер, придав ему идеально геометрическую форму.

Фарух-Лейн понятия не имела, как добиться от подростка послушания.

Но, к ее облегчению, Парцифаль встал. Взял несколько предметов одежды. И направился в сторону ванной.

– Что ты делаешь? – спросила она.

Он повернулся. Взгляд за крошечными очками был непостижим.

– Если я куда-то еду, мне сначала надо принять душ.

Дверь закрылась. Фарух-Лейн услышала, как из телефона полилась музыка. Два сочных женских голоса ворковали друг с другом, переживая и дрожа. Зашумела вода.

Фарух-Лейн закрыла глаза и досчитала до десяти.

Она очень надеялась, что они скоро найдут этих Зетов.

«Спроси брата про Волшебный базар».

Он существовал на самом деле.

Он существовал, а значит, и Брайд тоже.

«Они будут шептать мое имя».

На улице было темно, темно, темно, темно, и Ронана переполняло электричество. Они с Дикланом отправились на Волшебный базар, с которым Диклан был знаком, поскольку его посещал Ниалл Линч, а Ронан – потому что какой-то незнакомец нашептал ему название во сне. Времена менялись. Умом он не понимал, хорошо это или плохо, но сердце не сомневалось. Оно гнало по венам ночь.

Отель «Картер», место проведения Волшебного базара, был большим старым зданием, идеально квадратной формы, с уймой маленьких окон и затейливой лепниной под крышей. Чопорный и потрепанный жизнью, как дедушка, нарядившийся для похода в церковь. Таким отелем пользуются не для жилья, а в качестве вехи, когда объясняют дорогу. Парковка была полна машин. Просто битком набита. Ронан задумался, что в них такое. Оружие? Наркотики? Сновидцы?

Придет ли сегодня Брайд?

– Он не порадовался бы, узнав, что я привез тебя сюда, – сказал Диклан, глядя в темное зеркальце заднего вида. Бог весть зачем. – Он не хотел, чтобы с тобой случилось что-

нибудь плохое.

Он не стал подчеркивать «с тобой», но это было и так ясно. Ничего плохого не случится с тобой, что-нибудь плохое может случиться со мной. Сыновья и отцы, отцы и сыновья. Из всего, что приснил Ниалл Линч, самым удивительным была его семья. Разумеется, теоретически он приснил только часть ее – свою ласковую жену, любящую мать мальчиков, Аврору Линч. По всем параметрам сказочное существо – невеста с загадочным прошлым, женщина, которая никогда не была девочкой, красавица с золотыми волосами, возлюбленная с очаровательным голосом. Сыновей он себе не приснил, но и на них, разумеется, влияли его грезы. Грезы Ниалла населяли Амбары и помогали за них платить. Они учили мальчиков хранить тайну, сознавать, как важна скрытность, как ценно несказанное. Они превратили семью Линч в остров. У Ниалла не было родственников – только тетя и дядя в Нью-Йорке, но еще в детстве братья поняли, что это ласковые прозвища, а не подлинные кровные узы. У Авроры, разумеется, не было вообще никого. Ее родословная лежала в воображении Ниалла Линча, а это не те родственники, которых можно навестить на Рождество.

Братья Линч не были снами Ниалла Линча, но, в любом случае, они обрели их форму.

Особенно Ронан, сын с лицом своего отца и с отцовскими грезами.

– Пускай придет и помешает, – сказал Ронан.

– Не подначивай его, иначе и правда придет, – ответил Диклан, останавливаясь. Он внимательно обозрел стоявшие по бокам автомобили, прикидывая возможное желание и склонность их владельцев поцарапать ему машину.

– Мы на нелегальном черном рынке, а ты переживаешь, что какая-нибудь «Хонда» стукнет тебя дверцей?

Дикланизм брата не переставал изумлять Ронана; когда ему казалось, что тот уже достиг пика, непременно находилось что-нибудь еще.

– Тут следят за чистотой. Ты взял что-нибудь, что можно счесть оружием? Иногда на входе обыскивают.

– Вот это, – ответил Ронан, достал из кармана нечто, напоминавшее складной нож, и нажал на кнопку, в норме выпустившую лезвие. Но вместо лезвия из ножа вырвались крылья и когти. Они замелькали в воздухе – стайка ужаса, содержащаяся в маленькой рукоятке.

– Матерь божья, – резко сказал Диклан. – Не испорти мне приборную доску.

Ронан отпустил кнопку. Крылья и когти немедленно вернулись внутрь. Диклан протянул руку, чтобы стряхнуть пылинку с приборной доски, и метнул на брата убийственный взгляд.

Асфальт отливал черным. Алые хвостовые огни воспламеняли лужи. Пахло шаурмой и выхлопными газами. Небо было тускло-черным – непогода последних нескольких дней продолжала упорствовать. В новостях сказали, что это кли-

матические изменения – теперь так ведут себя грозы, они приходят куда-нибудь, встают там лагерем и дарят свое внимание одному месту, а не многим, пока объекты их любви не уплывают. «У нас наводнение, – заметил ведущий, – но подумайте об Огайо, где засуха», как будто, подумав, можно было что-то изменить. От этого у Ронана зачесались руки. Было неприятно сознавать, что не только его персональный мир съезжал с катушек.

Диклан уставился на старую вывеску с крупными буквами: ОТЕЛЬ «КАРТЕР». Она могла провисеть здесь десять лет – или сорок. Как будто они путешествовали во времени.

– Последний базар, куда я ездил с папой, проходил в Токио. Первый, если не ошибаюсь, в Лос-Анджелесе. Или в Берлине. Память подводит.

Ронану пришлось вписать это в коллекцию детских воспоминаний. Когда Диклан успел смотаться в Токио? Остальным сказали, что он уехал в спортивный лагерь? Сколько раз Ронан дико завидовал брату, которому позволяли пойти на вечеринку с ночевкой, а на самом деле Диклан, зевая, выходил из самолета где-нибудь в Берлине. Ронан знал, что Диклан сделан из секретов, и все-таки при раскрытии очередного испытывал шок.

У входа ожидал швейцар. Это была красивая дверь с замысловатой резьбой, настоящий портал к приключениям – и настоящий швейцар, одетый как на картинке, в костюме с золотой отделкой. Молодой парень, с небрежным, неесте-

ственно красным ртом.

Он выжидающе взглянул на Ронана.

Тот не сразу сообразил, что швейцар оценивает братьев – Диклана в простом сером костюме и начищенных ботинках и Ронана с татуировками и поцарапанным крабами лицом – и думает, что именно Ронан в этой паре главный.

Странное ощущение.

Диклан молча перехватил внимание швейцара, достав из кармана полотняный носовой платок. На нем, над именем Диклана, были какие-то необычные черточки. Швейцар быстро взглянул на них и вернул платок Диклану, вместе с тонкой карточкой, похожей на меню, которую достал из пиджака.

Он протянул Ронану непримечательную магнитную карту.

– Чернила у вас на коже означают, что вы что-то скрываете, – сказал швейцар.

– Вот что значит дыхание, – ответил Ронан.

На лице швейцара закровоточила улыбка. Он открыл дверь.

Внушительный вестибюль «Картера» был устелен кроваво-красными коврами и освещен старомодными латунными светильниками, похожими на ребра. Ронан даже через подошвы армейских ботинок ощущал плюш ковра. Пахло сгоревшими спичками и лимонами. Всё имело классический и запущенный вид, как у дома, который со вкусом убивает знаменитый полтергейст. А еще отель казался пустым. Ни-

кого не было за полированной стойкой, кожаные кресла никто не занимал.

– Ты уверен, что мы не ошиблись?

– Все происходит наверху, – сказал Диклан и наклонил карточку, чтобы Ронан мог прочесть то, что было на ней напечатано.

Одну колонку составляли номера. В другой стояли короткие комбинации букв и цифр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.